

ОПАСНЫЕ ТАЙНЫ

ТАЛИСМАН ВОЙНЫ

СЕРГЕЙ БАКШЕЕВ

Сергей Павлович Бакшеев
Талисман войны
Серия «Опасные тайны», книга 4

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176318
Череп Тимура: АСТ, Астрель; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-053525-5, 978-5-271-21716-6*

Аннотация

Череп жестокого завоевателя Тимура обладает огромной мистической силой. Чтобы его найти, надо разгадать изощренные загадки. След ведет в древние города: Самарканд, Бухару, Хиву. Каждый шаг на пути к цели таит смертельную опасность. А рядом друзья, способные стать врагами.

Это четвертый роман серии «Опасные тайны Тихона Заколова».

Содержание

1. Москва. Кремль. 1962	4
2. Байконур. Студенческое общежитие. 1979	8
3. Институт палеонтологии. 1962	20
4. Шахматный урок	27
5. Череп саблезубого тигра	35
6. Знакомство в Ташкенте	38
7. Честь имею!	49
8. Таинственный человек под окном	52
9. Аверьянов-младший нападает на след	60
10. Мрачный дом кинооператора	68
11. Город Мертвых	76
12. Труп в кресле	84
13. Вход в Город Мертвых	92
14. Бегство из ловушки	97
15. Последняя фотография Касымова	105
16. Двойной визит к фотографу	111
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Сергей Бакшеев

Талисман войны

1. Москва. Кремль. 1962

Мясистый указательный палец Генерального секретаря ЦК КПСС сдвинул тяжелую занавеску. Никита Сергеевич Хрущев выглянул в высокое окно. Смеркалось. Хмурое октябрьское небо 1962 года придавило Москву, холодный ветер гнал с запада стальные тучи, их грузные подбрюшья так и норовили зацепить остроконечные рубиновые звезды кремлевских башен. В любой момент мог грянуть гром. А могло и разметать мерзкую хмарь усиливающимся вольным ветром.

Так же неустойчиво было и на душе генсека. От его решения сейчас зависела судьба планеты. В соседней комнате ждал приказа министр обороны. В нетерпении почесывал руки главком Ракетными войсками стратегического назначения. Уж как хотелось золотопогонникам пальнуть размещенными на Кубе ракетами по логову империализма – Соединенным Штатам Америки. Вооруженные силы великого Советского Союза замерли как спринтер в низком старте. Подводные лодки с ядерными боеголовками удобно расположились напротив Вашингтона, летчики дежурили в кабинах стратегических бомбардировщиков, люки над шахтами бал-

листических ракет были открыты. Все ждали команды Верховного главнокомандующего Хрущева.

Накануне Политбюро одобрило сценарий с провокацией противника. Министр иностранных дел подготовил гневную речь о вынужденном ответном ударе, послы в дружественных странах получили детальные инструкции по трактовке Карибского кризиса.

Но генсек медлил. Он ждал судьбоносную посылку из Самарканда. Никита Сергеевич хорошо помнил загадочные слова Сталина, оброненные на одном из застолий в узком кругу приближенных. «Талисман войны, – тихо произнес усатый властелин половины Европы и Азии, хитро прищурился и закончил: – Это и талисман победы».

Хрущев с досадой посмотрел на надгрызенный ноготь. В минуты нервозности к нему неизменно возвращалась глупая детская привычка совать палец в рот. Толстая ладонь раздраженно задернула штору. Генсек оглянулся на помпезные напольные часы с гербом СССР, выполненным из редких самоцветов.

Генерал КГБ Григорий Аверьянов, посланный с тайной миссией в Самарканд, задерживался. Он должен был доставить в Кремль страшную реликвию, обладающую огромной мистической силой. Только прикоснувшись к ней, Хрущев готов был принять судьбоносное для страны и всей планеты решение: отдать приказ нетерпеливым маршалам, уже семнадцать лет скучающим по масштабным боевым действиям.

Хрущев поднял трубку одного из многочисленных телефонов и соединился с помощником:

– Где Аверьянов? – нервный палец генсека лег в уголок губ.

– Никита Сергеевич, самолет заходит на посадку во Внуково, – шепотом доложил помощник.

– Добре, – выдохнул генсек и дернул зубами кончик ногтя. Григорий Аверьянов лихо выпрыгнул из военно-транспортного самолета на бетонные плиты аэродрома, не дожидаясь, пока выдвинут приставную лесенку. Поток воздуха из-под большого пропеллера качнул генерала, он попытался удержать равновесие, но возраст, видимо, брал свое. Располневшее тело неловко завалилось на левый бок, шов с лампасами выше колена лопнул, ветер неприлично оттопыривал красную ленту на новеньких галифе. Генерал разразился отборным матом, дав выход фонтану злости, накопившейся за время краткосрочного вояжа в Узбекистан.

Черная «Волга ГАЗ-23» резво обогнула вздыбленный нос самолета и подкатила к поднимающемуся генералу, нервно отряхивающему полу испачканного мундира. Из водительской дверцы выскочил старший лейтенант госбезопасности, черты лица которого неуловимо напоминали строгий профиль Аверьянова, и поспешил поднять откатившуюся генеральскую фуражку.

– Где в данный момент находится подлый профессор? – не отвечая на приветствие, рывкнул генерал.

– На рабочем месте в институте палеонтологии.

– Срочно туда! – скомандовал Аверьянов и швырнул протянутую фуражку на заднее сиденье автомобиля.

– Вызвать группу захвата, товарищ генерал?

– Ты за кого меня принимаешь? Я, сынок, с этим подонком разберусь сам. Аверьянов обман не прощает!

Новенький автомобиль со спецномерами беспрепятственно выскочил через служебные ворота аэропорта и помчался к Москве по пустому вечернему шоссе. Старший лейтенант Григорий Аверьянов-младший покосился на запыленный мундир генерала Аверьянова. Спрашивать что-либо у взвинченного отца, совершившего бесполезный перелет в Самарканд и обратно, было опасно. Он только отметил, как генерал переложил пистолет из неудобной кобуры за пояс, предварительно проверив обойму. После этого генерал устал прикрыл глаза. Тяжелые раздумья отпечатались над его переносицей.

2. Байконур. Студенческое общежитие. 1979

Тихон Заколов с интересом наблюдал, как готовится к прыжку пестрый паук-скакунчик. Этому крупному экземпляру с черно-белым полосатым брюшком очень подходило латинское название Zebra Spider. Восмилапую «зебру» Тихон снял со стенки закрытого летнего кафе на пляже и принес в общежитие.

Сейчас паук сидел на верхней перекладине оконной рамы головой вниз. Пара больших глаз в центре головогруды и еще шесть по бокам следили за несколькими сонными осенними мухами, тупо бьющимися в стекло. Как только одна из них присела, паук оттолкнулся двумя парами задних лап, совершил стремительный полет и пронзил жертву огромными хелицерами. Страховочная нить-паутинка удерживала паука-скакунчика на гладком стекле.

В комнату скромно протиснулся худющий длинноносый первокурсник Дима Кушнир.

– Не страшно жить с таким чудищем? – поинтересовался Дима, наблюдая, как полосатый паук расправляется с мухой.

– Он красавец, – возразил Тихон. – Его ловкости может позавидовать любое насекомое. Паук-скакун – отличный спортсмен. Он не плетет сеть и не ждет часами добычу. Он

рассчитывает только на свою проворность, охотится на стенах и при этом никогда не падает. Представь себе, если бы такими качествами обладал человек? Кстати, в Америке сняли фильм про человека-паука. В нем он представлен благородным героем. И это правильно.

Тихон покровительственно посмотрел на Диму. Пару месяцев назад он защитил нескладного юношу от нападков пьяных хулиганов и с тех пор приобрел сильного партнера по игре в шахматы.

К третьему курсу пребывания Заколова в институте выяснилось, что достойных соперников за шахматной доской ни в общежитии, ни в институте у него нет. Мало кто желал постоянно проигрывать, да и Тихона легкие победы не радовали. Дима Кушнир оказался чемпионом Ташкента по шахматам среди юниоров. Для игры с ним Тихону приходилось подключать все резервы мозга. Подобные интеллектуальные испытания его возбуждали, а трудная победа приводила в состояние легкого восторга.

На этот раз вместо шахматной доски Дима сжимал в ладони сложенную до размера конверта газету. Он пугливо осмотрелся, осторожно развернул шуршащие листы и ткнул пальцем в большую статью на последней странице ташкентской газеты «Молодежь Востока»:

– Посмотри. Моя сестра написала.

Под рубрикой «Очевидное – невероятное» размещался броский заголовок:

СТРАШНОЕ ПРОКЛЯТИЕ ГРОБНИЦЫ ТИМУРА.

Подпись внизу гласила – Тамара Кушнир.

– Твоя сестра – журналистка? – удивился Тихон.

– Она еще учится в университете на факультете журналистики. Училась... – горестно добавил Дима. – Ее отчислили из-за этой статьи. С четвертого курса... А весь тираж уничтожили.

– Весь? – Тихон показал на газету.

– Единственный экземпляр остался. Тамара взяла его в типографии. Спешила похвастаться. А тираж в продажу не пустили. И главного редактора сняли. К нам домой приходили газету искать, но Тамаре удалось отвести подозрения и сохранить статью. Они забрали черновики и ушли.

– Что же здесь крамольного? Призыв против Советской власти?

– Нет! Что ты! Я и сам не понимаю. Прочти.

Тихон посмотрел на взволнованного парня, представил сторбленную фигуру, нависающую знаком вопроса во время долгого чтения, и предложил:

– Давай в шахматы сыграем. Для конспирации.

– Угу. Я сейчас принесу. – Дмитрий устремился к выходу, но около двери остановился. – Только ты никому...

– Заметано. Мы дверь закроем.

Тихон разгладил лист и углубился в чтение.

«Я шла на встречу с этим человеком, даже не предполагая, какую тайну он поведаст. Первоначально я планировала побеседовать с известным узбекским кинооператором Маликом Касымовым о фронтовых съемках на полях Великой Отечественной войны. О том, как, рискуя жизнью, и в зной и в холод он фиксировал на пленку лица солдат, рвущихся в атаку, ожесточенные бои с фашистами, мгновения победы и трагизм смерти.

Однако с самого начала наша беседа в ташкентском доме кинооператора пошла по другому руслу.

– А вы знаете, что я мог предотвратить Великую Отечественную войну? – печальным голосом спросил оператор.

– Вы могли остановить четырехлетнюю бойню, унесшую десятки миллионов человеческих жизней? – не поверила я.

– Если бы я проявил твердость и решительность, война бы не началась.

После столь интригующих слов я вся превратилось в слух. Вот какую мистическую историю поведал заслуженный деятель искусств Узбекской ССР Касымов, и у меня нет оснований ему не доверять».

Дмитрий Кушнир вернулся с шахматами, начал было расставлять фигуры, но, спохватившись, метнулся к двери и закрыл ее на ключ.

– Твоя очередь играть белыми, – сообщил он, усевшись

напротив Заколова.

Тихон, предпочитающий открытые партии, машинально двинул вперед королевскую пешку и продолжил чтение.

«— Иосиф Виссарионович Сталин высоко ценил полководческий гений повелителя Азии эмира Тимура, известного под именем Тамерлан. В своей книге по истории Сталин подчеркнул, что именно войска хромого эмира разбили Золотую Орду, благодаря чему Россия окончательно освободилась от монгольского ига. Желание разыскать могилу великого завоевателя владело умами нескольких поколений ученых. Но решение об экспедиции принял лично Сталин в 1941 году. Помимо историков, языковедов и археологов в экспедицию входил известный антрополог Герасимов. Он должен был реконструировать по черепу Тимура лицо великого полководца.

Экспедиция прибыла в Узбекистан в июне 1941 года. Меня как оператора присоединили к группе ученых. Я должен был снимать все этапы исторического события.

Тогда никто точно не знал, где похоронен Тимур. Одни считали, что он покоится в родном городе Шахрисабзе. Там находится мавзолей, в котором еще при жизни эмира по его приказу была сооружена глубокая гробница. Но Тимур скончался во время похода в Китай в 1405 году. И начальник экспедиции Кара-Ниязов был уверен, что эмира не стали возвращать на родину, а похоронили по пути, в Афганистане. Однако Герасимов настоял на раскопках

в Самарканде.

Существовала теория, что Тимур обладал колоссальным стругом негативной энергии. Личное биополе огромной силы позволило ему захватить власть, в короткий срок завоевать десятки стран, истребить сотни тысяч непокорных и создать самую великую империю на просторах Азии. Его власть, как и его жестокость, не имела границ. Со смертью Тимура энергия исчезла, и огромная империя сразу распалась на отдельные ханства. Даже его любимого внука мудрого Улугбека, к которому перешло правление, казнили безо всякого почтения, отрубив голову.

Но энергия, по законам физики, бесследно не пропадает. Она переходит в другой вид либо... – При этих словах Малик Касымов многозначительно указал пальцем вниз. – Либо гигантскую мистическую силу сохранил прах Тимура!»

Тихон Заколов отвлекся от статьи, оценил обстановку на доске и сделал ход слоном. Кушнир тут же ответил пешкой и сообщил:

– Пока наш дебют повторяет испанскую партию матча за звание чемпиона мира между Карповым и Корчным в Багио.

– И кто тогда победил?

– Была ничья.

– Ничья меня не устраивает. – Тихон смело двинул вперед ферзя.

– Это против теории.

– Пауков дома тоже никто не держит. А мне нравится.

Дима с опаской посмотрел на Zebra Spider, прыгнувшего на вторую муху, и погрузился в раздумья. Тихон продолжил чтение газеты.

«— Герасимов верил в энергетическую силу великого эмира. Он знал, что в 1925 году ученый-физик обнаружил сильное биополе вокруг мавзолея Гур-Эмир в Самарканде, который Тимур велел возвести для своего безвременно почившего внука. Многие местные жители рассказывали о странных необъяснимых явлениях, происходящих около красивого, но пугающего мавзолея. Поэтому было решено начать раскопки в Гур-Эмире, тем более что в переводе это означает „усыпальница эмира“.

Более пяти веков никто не тревожил захоронение Тимуридов, насчитывающее девять надгробий. Раскопки начали 16 июня 1941 года. Двигались от крайних могил к центру. Сначала вскрыли гробницы сыновей Улугбека. 18 июня извлекли останки внука Тимура – великого ученого Улугбека. В этом не было сомнения. Известно, что Улугбеку отрубили голову за его научные изыскания. Череп в могиле лежал отдельно, и довольный Герасимов всем показывал разрубленные шейные позвонки.

Работа шла медленно. Могильные плиты были тяжелыми, лебедки часто не выдерживали, и надгробия приходилось сдвигать вручную. К центральному захоронению, где предположительно покоился Тимур,

приступили ранним утром 21 июня.

Я снимал на камеру и наблюдал в объектив нарастающее белое свечение похожее на туман. Не знаю, что это было – мелкая пыль или пар, но в прежние дни ничего подобного не происходило. Когда плиту сдвинули, помещение стало интенсивно наполняться странным ароматом, похожим на восточное благовоние. Очень резким, притягательным и дурманящим. Вместе с непонятным запахом в подzemелье расплзалось чувство тревоги, а потом у всех возникло ощущение, что не хватает воздуха. Люди стали задыхаться. Рабочие сделали неловкое движение, плита треснула, и внезапно погасли все осветительные приборы. У меня без видимых причин отключилась камера. Нами овладел первобытный ужас, все бросились к выходу. Начальник экспедиции с трудом пресек панику и объявил перерыв.

Я на ослабевших ногах выбрался на улицу и зашел в ближайшую чайхану. К тому времени о раскопках в мавзолее Гур-Эмир знал уже весь Самарканд. На площади толпилось много любопытных, большинство из которых не одобряли происходящее. В чайхане сидели три седобородых старца в потертых азиатских халатах и тюбетейках. Один из них бережно держал старинную книгу. Увидев меня, молодого человека в наглаженных черных брюках и белой рубашке, вышедшего из мавзолея, он спросил:

– Наверное, ты начальник. Твои люди могилу Тимура уже вскрыли?

– Только начали.

Он встал с колен и ухватил меня за руку. Его лоб бороздили глубокие морщины, а глаза выражали неподдельную тревогу:

– Тогда еще не поздно все исправить. Вели остановить работу. Кости Тимура нельзя извлекать из могилы. Иначе начнется большая война. Об этом написано здесь.

Аксакал раскрыл толстую книгу в потрескавшемся кожаном переплете. На пожелтевшей странице я увидел фразу на арабском языке. Мама учила меня читать Коран, и я понял смысл написанного. «Тот, кто тронет прах великого Тимура, разбудит дух войны».

– Не тронь Тимура, – еще раз предупредил старец. – Иначе начнется большая война, и прольется много крови.

Я вспомнил первый странный эффект от сдвинутой могильной плиты жестокого завоевателя, и мне стало не по себе. Загадочный старик показался мне сказочным колдуном, предупреждающим героя: направо пойдешь – коня потеряешь, налево – голову свернешь. Я поверил ему и кинулся за начальником экспедиции Кара-Ниязовым. Тот пришел, но лишь посмеялся над стариками и назвал их невеждами. Гордые аксакалы ушли. На их мудрых лицах не было обиды, а лишь сожаление и скорбь.

Я понимал, что совершается что-то непоправимое, и решил попросить стариков снять книгу с пророчеством на камеру. Я видел, как они завернули за угол, и через мгновение был там. Но их и след простыл. Они словно

растворились в жарком июньском воздухе.

Работы по вскрытию гробницы Тимура возобновились, и вечером Герасимов с ликованием извлек кости правой ноги с шишкой на колене. Великий хромой был найден. Потом антрополог бережно приподнял череп Тимура. Все смолкли. Я навел камеру. Пустые глазницы источали холодное давление. В какой-то момент они явно посветлели. Я отпрянул и потерял фокус. Мне показалось, что Тимур посмотрел мне в глаза и нагло улыбнулся.

В вечерних новостях по радио сообщили о нашем открытии, но мало кто этому обрадовался. А утром по английскому радио прошла информация о нападении Гитлера на Советский Союз. Пророчество древней книги сбылось.

Малик Касымов склонил лицо и закрыл глаза ладонями.

– Вы твердо верите в это? – спросила я, пытаюсь вывести его из раздумий.

– Конечно! Сразу после сообщения о войне мы позвонили Первому секретарю Компартии Узбекистана и рассказали о предсказании странных аксакалов. Он закричал, что надо было звонить еще вчера и не отпускать стариков с книгой, а теперь вся ответственность лежит на нас. – Касымов отвернулся и прошептал: – А ведь я хотел в тот момент позвонить ему, но не решился. Я мог предотвратить войну, но...

Я сделала вид, что копаюсь в сумочке, чтобы пожилой человек мог незаметно смахнуть слезы.

Оправившись, он продолжил:

– Экспедицию свернули. Герасимов улетел в Москву с черепом Тимура. Потом я работал фронтовым оператором. Меня не покидало ощущение, что боль и смерть вокруг происходят по моей вине. Мы выпустили демона войны, и сейчас вся страна расплачивается за это. Я все время думал, как остановить наши поражения на фронтах. В 1942 году мне удалось переговорить с командующим Георгием Жуковым. Я рассказал ему о Тимуре, просил сообщить Сталину, что надо вернуть прах великого полководца на место. Жуков мне поверил. Останки Тимура перезахоронили в декабре сорок второго. И сразу же началось наше контрнаступление под Сталинградом. Это было начало большой победы.

– Но война после этого продолжалась еще почти три года?

– Я думал над этим и позже нашел ответ.

Знаменитый кинооператор замялся и посмотрел в сторону. Он словно колебался, продолжать разговор далее или нет. Воспользовавшись паузой, я сделала снимок для иллюстрации к статье.

Малик Касымов покачал головой:

– При таком освещении у вас ничего путного не получится.

Забегая вперед, скажу, что он оказался прав, снимок в редакции забраковали.

Мы стали прощаться. Уже на пороге я вспомнила, что не получила ответ на последний вопрос.

– По-моему, вы что-то хотели добавить.

Касымов вновь перешел на шепот:

– Я выяснил важную деталь. В 1942-м в могилу вернули не все останки. Череп Тимура был захоронен позже, в конце 1944 года. Я уверен, что именно в нем концентрировалась основная сила духа войны. После этого наша победа стала неминуемой.

– Снова вскрывали гробницу? – вырвался у меня глупый вопрос.

Кинооператор загадочно ухмыльнулся и настойчиво выставил меня за дверь.

Дома я долго разглядывала иллюстрации в учебнике истории. С маленького рисунка на меня смотрел грозный лик всесильного эмира Тимура, воссозданный антропологом Герасимовым по найденному черепу.

Неужели злая сила повелителя Азии сохранилась и после смерти?

А на соседней странице учебника располагалась репродукция картины Василия Верещагина «Апофеоз войны», которую он написал в Средней Азии после изучения войн Тимура. На ней изображена огромная пирамида из человеческих черепов и кружащие над ней вороны. Я видела эту картину в «Третьяковской галерее». На ее раме можно разглядеть надпись: «Посвящается всем великим завоевателям: прошедшим, настоящим и будущим».

3. Институт палеонтологии. 1962

Профессор-палеонтолог Александр Семенович Ефремов нервно метался по тесному кабинету. В круглых стеклах очков отражался то свет настольной лампы, то перекрестия оконной рамы. Клинышек ухоженной седой бородки часто тыкался в грудь, на лоб напоздали мучительные морщины.

Причиной нахлынувшего беспокойства стал утренний телефонный разговор, который мгновенно вернул Александра Семеновича в далекий 44-й год, когда он вместе с майором госбезопасности Григорием Аверьяновым выполнял секретное поручение Сталина. Сегодня Григорий Аверьянов представился генералом и потребовал сопровождать его в срочной поездке в Самарканд по известному обоим поводу. Сопоставив газетные новости о Карибском ракетном кризисе между СССР и США с неожиданным звонком, профессор все понял. Ему удалось сказать больным и заверить грозного собеседника, что никаких трудностей с извлечением заветного талисмана у него не будет. На том и расстались.

Но профессор понимал, что получил отсрочку не более чем на сутки.

За это время предстояло передать опасную тайну надежному человеку. Родные и коллеги отпадали, они неизбежно угодят в круг подозреваемых. Нужен был случайный человек, но такой, чтобы ему не требовалось растолковывать

страшную силу необычного предмета. Мысли метались огненными всполохами. К середине дня Александр Семенович вспомнил о кинооператоре Малике Касымове из Узбекистана, с которым познакомился во время раскопок в Гур-Эмире в июне 41-го. С тех пор они не встречались, но Касымов звонил на днях из Ташкента и просил об интервью для какого-то журнала. Он сообщил, что скоро будет в Москве в командировке и даже оставил телефон московской киностудии.

Профессор нашел бумажку с нужным номером и позвонил из уличного телефона-автомата. Пока подзывали кинооператора, Ефремов нервно озирался, удивляясь своему бывшему хладнокровию в 44-м, когда удалось единолично обмануть всесильный КГБ. Малик Касымов звонку обрадовался, но до вечера оказался занятым на киностудии. Александр Семенович согласился ждать, намекнул о важной тайне, связанной с общим делом, и просил прийти на встречу строго одному. Вечернее время, когда все коллеги покинут здание института палеонтологии, полностью устраивало профессора.

Тайная встреча вот-вот должна была состояться. Александр Семенович Ефремов совершил очередной разворот около окна, но, услышав шум затормозившего автомобиля, обернулся. Из черной блестящей «Волги» выскочил человек в генеральской форме и яростно сверкнул глазами по единственному освещенному окну института. Профессор отпрянул. По характерному недоверчивому взгляду он легко

вспомнил сотрудника КГБ Григория Аверьянова.

«Быстро нынче летают самолеты», – удрученно подумал профессор, поплелся назад и устало опустился на рабочее место.

Касымов безнадежно опаздывал. Все кончено. Генерал пришел первым. Через три минуты он будет здесь. Если страшная тайна достанется военным, разразится большая бойня за мировое господство. КГБ умеет выпытывать секреты. Профессор осознавал, что его тело слишком слабо для долгого сопротивления профессионалам. Они выжмут из него все. А дальше – всемирная катастрофа! Единственный шанс избежать этого – собственная смерть.

Ефремов поправил очки и засуетился. Может выброситься на мостовую? Он вернулся к окну, деловито оценил ситуацию. Слишком низко, шансы погибнуть мгновенно – ничтожны.

На противоположной стороне улицы показалась высокая худая фигура Малика Касымова с болтающимся через плечо кофром фотоаппарата. Он заметил в окне профессора и приветливо помахал рукой. Оператор опоздал всего на несколько минут!

Касымов скоро войдет в кабинет. Это шанс!

Мозг ученого заработал с бешеной скоростью.

Я не должен унести с собой великую тайну. Я обязан оставить ключ, по которому пытливый ум сможет достичь цели.

Кричать было нельзя. Профессор выразительно проже-стикулировал Касымову и обернулся. Глаза любовно про-шлись по небольшой картине за рабочим креслом. Он нари-совал ее восемнадцать лет назад, сразу после возвращения из Средней Азии. Она специально висела среди подобных странных картин, мало чем выделяясь. Профессора радова-ло, что никто не понимает его абстрактную живопись. Сего-дня он хотел объяснить ее значение единственному человеку на земле – Малику Касымову. Но не успевал.

Еще есть целая минута! Я не могу рассказать лично, но существуют знаки.

Ефремов метнулся к книжным полкам и выхватил нуж-ный том. Подхваченный карандаш тут же нанес на обложку несколько прямых перекрещивающихся линий. Профессор остался доволен графикой и поместил книгу в центре стола, вложив в нее записку с именем кинооператора. Затем он ки-нулся к столику лаборантки, пошуровал в выдвижном ящи-ке и вернулся с маленькой пудреницей. Александр Семено-вич открыл ее и расположил на книге таким образом, чтобы в круглом зеркальце отражалась заветная картина.

По институтскому коридору уверенно щелкали каблукы жестких ботинок.

Надо увести преследователей!

Александр Семенович Ефремов выскочил из кабинета. Путь к главному входу отсекали две мрачные фигуры в гали-фе, шагающие по коридору. Пожилой профессор устремил-

ся внутрь института. Его грубо окликнули, но Александр Семенович только ускорил шаг.

Он хорошо знал расположение институтских залов и коридоров. Но в здании повсюду теснились многочисленные экспонаты закрытого из-за недостатка помещений палеонтологического музея. Огромные скелеты древних животных занимали галерею и центральный холл. Скелеты чуть поменьше громоздились в коридорах и кабинетах. Отдельные экспонаты свисали со стен и потолка. Все это были подлинные находки, собранные за годы существования института. Ефремов сам принимал участие во многих экспедициях. Помимо скелетов представителей фауны часто обнаруживался и прах людей. Порой профессор сталкивался с поразительной энергетической мощью человеческих останков. Но то, с чем ему пришлось иметь дело в 44-м году, намного превосходило все известные факты.

Профессор бережно огибал хрупкие фигуры. Преследователи с пистолетами в руках шли напролом, не заботясь о сохранности удивительных экспонатов.

– Ефремов! Хватит играть в кошки-мышки, остановись! – крикнул генерал КГБ и пнул хвост древнего ящюра, перегораживающего проход. Крупные кости позвонков с грохотом покатались по паркету.

От шума ненужного разрушения у профессора в очередной раз сжалось сердце. Он юркнул в широкий темный коридор, шедший к служебному входу, через который обычно

разгружали крупные находки. Последняя мизерная надежда открыть дверь и ускользнуть наружу придавала ему силы. Он разогнался в темноте, надеясь за счет знания помещения уйти от преследователей. Но выиграть гонку не удалось. Стукнувшись с разбегу коленом об угол тяжелого ящика, профессор ойкнул и упал. Сильные руки подняли его за шиворот, встряхнули и выволокли на свет в большой холл.

– Подлая скотина, ты меня обманул! – Аверьянов-старший резко ударил профессора кулаком в живот. Аверьянов-младший поддерживал тело Ефремова сзади за вывернутые руки, не позволяя упасть. – Где он?

– Там, где был всегда, – выдохнул профессор.

– Там его нет! Там подделка! Где настоящий?

– Я не понимаю, о чем вы, товарищ гене...

– Все ты понимаешь. – Аверьянов с силой ткнул ученого стволом пистолета в область печени. – Я буду бить тебя, пока не скажешь. А потом мы вместе полетим в Самарканд, и если ты вновь обманешь, то умрешь самой мучительной смертью. Уж я обещаю. У нас есть специалисты, которые в этом знают толк. – Итак, где он?

– Сейчас, дайте минутку. – Профессор прикидывал, успели Малик Касымов зайти в кабинет и обратить внимание на оставленные знаки? По всем расчетам, он должен быть уже там.

– Никаких минуток! Говори!

Новый удар заставил профессора скорчиться. Александр

Семенович с усилием поднял мутный взор. В углу с потолка свисал белый череп саблезубого тигра с двумя острыми, как нож, матовыми клыками. Конец веревки, удерживающий голову, крепился на стене в трех метрах от профессора. Помимо палеонтологии Ефремов хорошо знал законы физики и математики. Он прикинул высоту и центр тяжести подвешенного экспоната. Наметил точку на полу, оценил время и расстояние. Когда расчет был трижды проверен, Александр Семенович сдался.

– Отпустите руки, я все расскажу.

Генерал кивнул, старший лейтенант разжал пальцы.

4. Шахматный урок

Заколов отложил газету и сделал очередной ход на шахматной доске.

– Любопытное совпадение.

– Одноцветные слоны? Значит, ничьей не будет. – Дима Кушнир, как всегда во время игры, думал только о шахматах.

– Я про вскрытие могилы Тимура, которое совпало с началом Великой Отечественной войны.

– Если бы это было простое совпадение, сестру бы не отчислили из университета, а редактора не уволили!

– Это логично, – согласился Тихон. – Вдобавок уничтожен тираж газеты. Кто-то посчитал эту информацию слишком опасной для себя.

– Для государства!

– Почему так категорично?

– Потому что увольняли, отчисляли и проводили обыск государственные органы! – Дима разволновался и сделал ошибочный ход.

– Ты успокойся, а то проиграешь.

– Вот досада! Пожалуй, мне пора сдаваться!

– Никогда нельзя опускать руки.

– Но не в этой же ситуации! – Дима раздраженно указал на доску.

Тихон оценил расстановку фигур и предложил:

– А давай поменяемся фигурами.

– Смеешься?

– Вполне серьезно.

– Ты хочешь таким образом меня утешить?

– Я никогда не вытираю сопли слюнявкам. Я учу их жизни.

– Тихон перевернул доску. – Продолжай белыми.

Восемь ходов прошли в полном молчании. После девятого хода Заколова Кушнир вскочил как ошпаренный:

– Как я не заметил этого продолжения! Я проиграл. Второй раз в течение одной партии!

– Это тебе урок, Дима. Никогда нельзя сдаваться. Даже в безнадежной ситуации. Во-первых, соперник может ошибиться.

– Я не ошибался. Я действовал согласно теории!

– А во-вторых, в последний момент, уже на краю пропасти, ты можешь увидеть спасительное решение, которого не замечал ранее.

Тихон дождался, пока грустный первокурсник сложит фигуры и захлопнет шахматную доску, а затем спросил:

– Теперь рассказывай, зачем ты показал мне запрещенную статью?

– Я прошу тебя помочь сестре. Ее осудили на закрытом заседании комитета комсомола и исключили из рядов ВЛКСМ. Все говорили, что она оклеветала историю, принизила подвиг народа в Великой Отечественной войне, пропагандировала мистику и религию.

– А при чем здесь религия?

– Не знаю. Никто же не видел статью. Им спустили задание из горкома, вот они и старались. От Тома отвернулись даже лучшие подруги.

– А что говорит кинооператор Касымов?

– Он испугался и ничего не подтверждает. Боится потерять пенсию. Сначала Тамара страшно переживала, а теперь хочет сама отыскать череп Тимура, измерить его биополе и доказать свою правоту. Она бойкая и смелая. Но ей нужен помощник.

– А ты?

– Что я? – Дима выразительно развел тонкие руки.

– Дима, ты в школе кроме уроков чем занимался?

– Как и каждого добропорядочного еврейского мальчика меня обучали музыке, бадминтону и шахматам. По мнению мамы, это основные составляющие гармоничного развития.

Заколов скептически осмотрел тощий и неловкий в движениях плод гармоничного развития.

– Играл на скрипке?

– На альте.

– Нравилось?

– Ненавидел.

– Зачем же терпел?

– Мама так хотела.

– По крайней мере голова у тебя варит. Поблаговари маму хотя бы за это.

– Мамы с нами больше нет. И папы нет, – с печалью в голосе сообщил Дима. – Последний год мы живем вдвоем с сестрой.

Тихон промолчал, ожидая, что Кушнир расскажет о судьбе родителей, но тот вновь заговорил о сестре:

– Что-то подсказать Тамаре я, конечно, смогу. И все! Но кроме мозгов наверняка понадобится сила, решительность и, – Дима слегка замялся и выдавил: – Отчаянная наглость.

– Я, по твоему мнению, этим качествам прекрасно соответствую.

– Тихон, я слышал про твою историю с бандитами и Гиптильником. Если ты справился в той ситуации, то тут все гораздо проще. Неужели ты не хочешь, чтобы восторжествовала справедливость? Ты же собираешься ехать в Ташкент.

Парень хорошо подготовился к разговору, подумал Заколов. Несправедливо наказанную студентку было жалко. И в Ташкент он действительно собирался. В профкоме института распространяли льготные путевки на туристический поезд Ташкент-Самарканд-Бухара-Хива. Тихон вместе с Александром Евтушенко решили ехать, чтобы посмотреть диковинки Средней Азии. Поездка предстояла в дни ноябрьских праздников.

– Страшное проклятие гробницы Тимура, – еще раз задумчиво прочел заголовок Тихон. Статья его заинтересовала. Написана увлекательно и на недалекого человека должна произвести сильное впечатление. – Но, понимаешь, я не ве-

рю в мистику.

– Подобное случалось и раньше. Ты посмотри ниже пояснение редакции.

Под статьей помещалась маленькая заметка:

«Ужасная месть Тутанхамона.

Истории известны и другие случаи, когда после вскрытия захоронений сбывались загадочные проклятия. Человечество до сих пор будоражит тайна египетских фараонов. В 1922 году была найдена знаменитая гробница фараона Тутанхамона. На входе в усыпальницу археологи обнаружили предостережение: «Смерть настигнет каждого, кто нарушит покой фараона». Но это их не остановило. Рядом с саркофагом ученые увидели табличку: «Дух умершего фараона свернет шею грабителю могилы, как если бы это была шея гуся». Но английские археологи не отождествили себя с грабителями. Итог был весьма плачевен. Руководитель граф Карнарвон и все двенадцать членов его экспедиции умерли ужасной мучительной смертью от необъяснимой болезни. До встречи с мумией они были вполне здоровыми и жизнерадостными. Дух фараона расправился с ними в течение шести лет после вскрытия гробницы. Но на этом месть фараона не закончилась. Смерть настигла многих перевозчиков саркофага и музейных работников.

Похожая участь ждала и других охотников за мумиями фараонов. Совсем недавно, в 1973 году, скончались двенадцать членов польской

антропологической экспедиции. Они умерли, после того как нашли гробницу еще одного фараона. Даже современная медицина не смогла их спасти».

Тихон Заколов отложил газету. Историю про фараонов он слышал, но странные смерти списывал на древние бактерии, сохранившиеся в саркофагах, к которым современный человек потерял иммунитет.

В закрытую дверь настойчиво постучали. Тихон вернул Диме газету, встал и открыл дверь. Ворвался Александр Евтушенко, с порога потрясая пластиковой бутылкой с густой мутной жидкостью:

– Вот. Новая синтетическая основа клея «Паук». Осталось добавить органику – свежую паутину, и можно продолжить эксперимент.

– Я готов! – воскликнул Заколов, нетерпеливо потирая руки. – Паутина в пакете, я утром собрал.

Евтушенко впихнул в бутылку белый ком паутины и тщательно размешал. Его глаза азартно блестели из-под очков.

– Когда?

Тихон посмотрел на паука-попрыгунчика, раскачивающегося на тонкой нити, и решительно заявил:

– Сейчас.

Он выдавил клей на ладонь и размазал его по рукам. Расставив пальцы, он подождал, когда вязкая жидкость подсохнет, и вновь добавил и растер клей. Прodelав процедуру пять раз, Тихон заявил, что к эксперименту готов, и вышел на бал-

кон. Там он сразу перемахнул через перила и прилепил ладони к кирпичной стене общежития.

– Ты что, хочешь ползать по стене как паук? – изумился Дима Кушнир.

– А почему бы нет?

– Ты сумасшедший!

– Сейчас проверим.

Заколов свесил левую ногу. Правая продолжала опираться о край балкона.

– Пока держит, – весело подбодрил напрягшихся ребят Тихон.

Он медленно отклонялся от балкона и перемещал тяжесть тела за вытянутой ноги на руки. Клей цепко держал, нога только кончиком носка опиралась о балконный выступ. Почувствовав уверенность, Заколов опустил ногу. Тело свободно повисло на стене, удерживаясь лишь за счет липких ладоней.

– Ура, – сдерживая радостные эмоции, тихо выдавил Евтушенко. – Возвращайся.

– Я попробую перехватить руки и спуститься вниз.

– Не надо, слишком опасно.

– Это логично, – невозмутимо согласился Тихон.

Он оторвал от стены правую ладонь и приклепнул ее ниже. Лишь долю секунды вес тела держался на одной руке. Но этого оказалось достаточно для непоправимого. Клей не выдержал, рука сорвалась, вторая ладонь уже ничем не могла помочь. Тихон Заколов рухнул вниз, бесполезно шлепая

в полете ладонями по стене.

Перепуганные Кушнир и Евтушенко выбежали на улицу. Тихон сидел на земле и улыбался.

– Чего сдрейфили? Здесь только второй этаж. – Он встал и серьезно обратился к Александру: – В следующий раз надо побольше паутины добавить.

– Не поможет. У паука восемь лапок, у тебя только две.

– Значит, намажу и ноги. – Он посмотрел на загрустившего Кушнира. – Мы с Сашкой через неделю едем в Ташкент и постараемся помочь твоей сестре.

– Вот и отлично! Тамара вас встретит и все расскажет.

– Ты меня заинтриговал. Хочу сам проверить, обладают ли останки Тимура сверхъестественной силой.

– Главное, помоги сестре.

5. Череп саблезубого тигра

Профессор Ефремов растер затекшие руки, посмотрел на хмурых офицеров КГБ, стоящих по бокам, и попытался улыбнуться.

– Ну! – поторопил генерал.

– Сейчас, дайте отдышаться.

Ефремов мельком взглянул на хищный оскал черепа и наклонно свисающие клыки саблезубого тигра. Еще раз мысленно проверил расчет. Он хорошо помнил вес экспоната, понимал, где у него центр тяжести и видел точку крепления. Все должно получиться. На всякий случай профессор попробовал двинуть ушибленным коленом. Острая боль трансформировалась в тупую ноющую фазу, но нога слушалась.

– У меня нет времени! – еле сдерживался генерал. – Ты над нами издеваешься?

Профессор решительно выдохнул:

– Это здесь. Я сейчас покажу.

Он шагнул к веревке, удерживающей череп хищника, и дернул узел с крюка. В ту же секунду, ноги сделали два прыжка к центру зала, профессор бросился лицом вниз на выверенную точку, развернулся и раскинул руки. Тяжелая голова саблезубого тигра сделала один полный оборот, и два острых доисторических лезвия с хрустом вошли в грудь и живот Ефремова. Пока опешившие офицеры разглядыва-

ли белый череп ископаемого хищника, профессор, собрав остатки сил, выдернул вонзившиеся клыки. Пузырящаяся кровь хлынула из открытых ран. Теперь ничто не могло спасти жизнь Александра Семеновича Ефремова.

Растянув пересохшие губы в блаженную улыбку, он прикрыл глаза. Последний расчет профессора, как всегда, оказался верным.

Оператор Малик Касымов заглянул в открытую дверь кабинета Ефремова и удивился, не застав там профессора. Наверное, вышел ненадолго, решил Касымов и зашел внутрь. Не успел он осмотреться, как в глубине здания раздался пронзительный крик. Военному оператору не требовалось объяснять его происхождение, слишком много смертей он повидал на фронте.

Касымов невольно отступил в глубь кабинета и оказался перед столом профессора. Его взгляд привлекла толстая книга и торчащий из нее листок, на котором он с удивлением разобрал свое имя. Касымов наклонился. Рука, потянувшаяся к книге, хотела сдвинуть раскрытую пудреницу, но остановилась. Зачем женская безделушка на столе пожилого профессора? В овальном зеркальце отразился прямоугольник странной картины. Прямоугольник? Именно такой знак многозначительно прочертил Ефремов пальцами в окне и ткнул куда-то за спину.

Прямоугольник за спиной! Что он хотел сказать?

Оператор извлек листок, глаза пробежались по наспех написанным строчкам. «Малик. Возьмите книгу и сфотографируйте то, что увидели ваши глаза. Это приведет к цели. И убегайте!»

Касымов извлек фотоаппарат, взгляд заметался по кабинету.

Что фотографировать? Что?

Слух уловил шум шагов по каменной лестнице. «То, что увидели ваши глаза», – подсказывала записка.

Не я, а глаза. Я стоял затылком к стене, а глаза увидели в зеркальце...

Взметнулся объектив, пальцы мгновенно настроили фокусное расстояние, щелкнул затвор фотокамеры.

Звук шагов, доносящийся из открытой двери, стал четче. «И убегайте!»

Малик Касымов подхватил книгу и выскользнул в темный коридор. Сноровка, приобретенная на фронте, не подвела, он успел добраться до лестницы незамеченным.

6. Знакомство в Ташкенте

Тамара Кушнир оказалась высокой черноглазой девушкой с пышными темными волосами, выющимися мелким бесом. Она уверенно шагнула к Заколову, безошибочно вычислив его в пестрой толпе пассажиров, прибывших на ташкентский вокзал вечером 5 ноября 1979 года.

– Привет, Тихон. Я Тамара Кушнир, – бойко представилась девушка, почти не заинтересовавшись переминающимся рядом Александром Евтушенко.

– Здравствуйте. Как вы меня узнали?

– Я – журналистка. Задала нужные вопросы брату Димке, и твой портрет у меня в голове, как фотокарточка в альбоме.

– Завидую, мне приходится вглядываться в черты лица, чтобы хорошо запомнить человека.

– Этим ты сейчас и занимаешься? – Девушка кокетливо поправила непокорные волосы и рассмеялась.

– Вы – заметная девушка. – Тихон смущенно оторвал взгляд от загнутого кончика носа, удлиненного подбородка, скользнул по округлой груди, тонкой талии и опустил глаза на потертые, согласно последней моде, обтягивающие джинсы. Стройная фигурка девушки ему понравилась.

– Тихон Заколов, хватит выкать. Мы практически ровесники. С этой минуты общаемся только на «ты». Договорились?

– Возражений нет.

– Тогда двигай за мной.

– Я не один.

– Знаю. Твоего однокурсника зовут Александр Евтушенко. Вы дружите еще со школьной скамьи.

– И про школу тебе известно!

– Нас учили собирать информацию перед важной встречей. – Тамара, не оборачиваясь, пробиралась по перрону к выходу в город. – Сейчас мы все вместе едем ко мне. До отправления вашего туристического поезда почти сутки. Это время надо использовать эффективно.

Тихон поразился деловой хватке изящной девушки. Никаких дежурных фраз: как доехали, не устали ли, бывали ли в Ташкенте, как вам наша погода – сразу берет быка за рога. На привокзальной площади девушка задержалась перед стеклянным киоском «Союзпечати». По странному косому взгляду Тамары Тихон легко определил, что обложки журналов девушку не интересуют. Кушнир использовала блестящую поверхность в качестве зеркала.

– Ты опасаешься слежки? – усмехнулся он.

– С некоторых пор я начинаю привыкать к опасности.

– После статьи?

– Вот именно. Я просто хочу знать, продолжается наблюдение за мной или нет?

– Раньше ты что-то подобное замечала?

– Еще бы! – Девушка двинулась к автобусной остановке.

– А сейчас?

– Возможно, они стали умнее.

– Кто?

– Детский вопрос, Заколов. Мой брат был в восторге от твоего интеллекта, – съязвила Тамара. – Или ты только в шахматы умеешь играть?

Тихон резко остановился. Сашка Евтушенко уткнулся в дорожную сумку на его спине и придержал съехавшие очки. Он вечно не поспевал за другом и часто семенил следом.

– Из этого я делаю вывод, что мы свободны? – холодно спросил Заколов.

Тамара обернулась. На строгом лице расплылась плутовская улыбка. Девушка одной рукой взяла Тихона за ладонь, а другой мягко коснулась кончика его носа.

– Не дуйся, пуся, – ласково пропела она.

Тихон смущенно покраснел и отдернул руку.

– Я не ребенок.

– Очень на это надеюсь.

Заколов не знал, как себя вести с бойкой девушкой, мгновенно меняющей стиль поведения. А Тамара, лукаво склонив голову, игриво наморщила лоб.

– Может, нам изобразить встречу влюбленных? А что, неплохая мысль. – Девушка обвила рукой шею Тихона и быстро поцеловала оторопевшего парня в неподвижные губы. – Вот так-то лучше. Пусть наблюдают.

– По-моему, за нами никто не следит, – сконфузился За-

колов, стремясь выскользнуть из объятий девушки.

– Зачем же ты остановился? Я думала, для того чтобы дать мне возможность осмотреться.

– Не совсем так.

– О! Наш автобус. Бежим!

Тамара шустро устремилась к остановке. Заколов с сумкой через плечо и Евтушенко с бесформенным рюкзаком вынуждены были совершить пятидесятиметровый рывок вслед за девушкой. Но перед самой дверью Тамара ойкнула и присела.

– Камешек попал под пятку. Колется.

– Потом разберемся. Уедет!

– Нет, подожди. – Тамара ухватила Тихона за рукав.

Автобус, сжав двери-гармошки, ушел. Остановка опустела. Тихон вежливо, но твердо отстранился. Он уже раскусил замысел девушки.

– Тамара, я ничего не перепутал? Ты, случайно, не из театрального училища?

– Нет. Но в школе я посещала драмкружок.

– Педагог у вас был никудышный.

– Я так не думаю. Ну ладно, ты не сердись, – еще раз преобразилась девушка. – Зато я убедилась, что за мной слежки нет. Поедем на следующем.

– Честно говоря, мне эта игра в шпионов надоела.

– Все. Обещаю быть паинькой. Больше никаких дешевых спектаклей.

В автобусе девушка успокоилась и скупно комментировала проплывающие за окном достопримечательности. Город, несмотря на древность происхождения, выглядел молодо и современно. Виной тому было разрушительное землетрясение 1966 года, после которого столицу Узбекистана ударными темпами восстановили всей страной и быстро застроили бетонными коробками.

– Тогда мы здесь и появились, в шестьдесят шестом, – сообщила Тамара. – Наши родители – врачи. Приехали для укрепления кадров новой больницы. Думали, временно, да так и остались. Здесь тепло, зимы не бывает, почти как на родине предков.

Тихон вопросительно посмотрел на нее. Тамара с вызовом в голосе пояснила:

– Я – еврейка.

Оставшуюся часть дороги девушка молчала. На нужной остановке она спохватилась в последний момент, и ребята выбирались на улицу, разжимая шипящие автобусные двери. С широкого проспекта они свернули на узкую улочку из нескольких желто-серых двухэтажных домов послевоенной постройки, фасады которых соединялись кирпичными арками. Они вошли в одну из арок и попали в небольшой темный дворик, сплошь застроенный неказистыми сараями.

– Здесь мы и живем. С братом, – сообщила Тамара, открывая квартиру на первом этаже. – Проходите.

– А родители? – вежливо спросил Тихон.

– С ними все в порядке, – тихо произнесла девушка и быстро затараторила: – Вещи можете оставить здесь. Спать будете в Димкиной комнате, это там. Учтите, хозяйка я скверная, поэтому разносолов не будет. Чай и примитивные бутерброды обещаю. С голоду не помрете?

– Нам не привыкать, – ответил Евтушенко. – Может, я сам на кухне посмотрю?

– Давай. Но с тех пор, как я лишилась стипендии, в доме даже тараканы перевелись.

Тихон уже обратил внимание на легкий беспорядок и запустение в комнатах, однако отметил, что в отличие от квартиры, за собой хозяйка следила. При входе она успела посмотреться в зеркало, поправить блузку и пройтись массажной щеткой по непокорным волосам. В большой комнате было душно. Тамара лихим движением скинула туфли и приоткрыла одно из двух окон, выходящих во двор. Вечерняя прохлада колыхнула легкую занавеску. Девушка плюхнулась в низкое потертое кресло и блаженно вытянула стройные ноги.

– Пока вас ждала, устала.

– Да, поезд опоздал, как обычно. Для чего только расписание придумывают. – Тихон примостился напротив девушки в таком же кресле. Они сидели в большой комнате. Евтушенко гремел кастрюлями на кухне. – Ничего, что Сашка без тебя хозяйничает?

Но Тамара уже думала о своем:

– Ты мне поможешь?

– На кухне?

– При чем тут кухня! Тебе Димка все рассказал?

– А-а, с черепом Тимура? Ты все-таки веришь в его мистическую силу?

– Я специально изучила литературу. Череп – это самая совершенная кость человека. Многие народы ему поклоняются. Черепу всегда приписывали мистические свойства и необыкновенную силу.

– Вот именно – приписывали.

Тамара вспыхнула.

– То, что напечатано в статье, – правда! Если бы это был досужий вымысел, газету бы не уничтожили! Неужели непонятно?

– Пока нет.

– А проклятия, сбывшиеся после вскрытия гробниц фараонов? Про них давным-давно всем известно. Эти факты ты тоже отрицаешь? Вымирили целые экспедиции. Поголовно!

– Под действием неведомого науке вируса, сохранившегося в мумиях.

– Современная медицина ничего не нашла.

– После извлечения фараонов по крайней мере войн не было.

– А Первая мировая? Основные раскопки в Египте проведены непосредственно накануне четырнадцатого года. Да и кто такие фараоны? Богатые рабовладельцы, управлявшие

лишь частью современного Египта. А Тимур был властителем огромной Азии! Совсем другой масштаб личности.

– И, следовательно, уровень зла в его останках?

– Конечно! – Тамара немного успокоилась и привела новый аргумент: – Ну хорошо, Фома неверующий. Это все примеры отрицательных воздействий на человека. Я тебе приведу другие факты. Вспомни христианство. Во многих храмах и монастырях хранятся мощи святых праведников, которые до сих пор обладают чудодейственной силой. Мощи – это те же самые кости умерших людей. Места, где они покоятся, окутаны особой аурой и называются святыми. Это же все не просто так?

– Возможно. Но надо понять, что является первопричиной: храм или святые кости, хранящиеся в нем?

– Конечно же останки уникальных личностей! Иногда мощи специально перевозят в другую страну. К ним идут страждущие. Известны сотни случаев, когда люди получали исцеление, прикоснувшись к десницам преподобных, которые при жизни славились праведными поступками.

Тихон задумчиво произнес:

– Есть многое на свете, друг Горацио, что неподвластно нашему уму.

– Вот именно! Хорошо хоть Шекспир для тебя авторитет.

– Во всем этом что-то есть.

– Ну, наконец, достучалась!

Заколов провел растопыренной ладонью по лбу и надавил

двумя пальцами в уголки закрытых глаз. Если бы Евтушенко сейчас заглянул в комнату, он бы понял, что Тихон систематизирует разрозненные мысли, и ему лучше не мешать. Но Тамара Кушнир относилась к нетерпеливым натурам. Она легонько толкнула Тихона ногой.

– Заколов, не спи.

Тихон, не открывая глаз, принялся рассуждать вслух:

– Допустим, есть люди, обладающие огромной разрушительной энергией: безжалостные фараоны, императоры, завоеватели, как тот же самый Тимур. Назовем их людьми тьмы. После смерти их энергия, согласно закону её сохранения, не может бесследно исчезнуть. Об этом упомянул и Касымов. Она должна трансформироваться в иной вид или сохраниться в останках. То же самое происходит и с благотворной энергией святых людей. Закон один и тот же. Если известны случаи воздействия святых мощей, то аналогичные процессы должны происходить и со скелетами завоевателей. Но святые мощи хранятся открыто, их энергия постоянно расходуется. В отличие от них, тела великих завоевателей покоятся в глубоких каменных могилах под тяжелыми надгробиями в больших мавзолеях. Останки Наполеона спрятаны в шести вложенных друг в друга саркофагах, фараонов вообще закрывали грандиозными пирамидами или хоронили в скалах. Возможно, это неспроста. Человечество на уровне инстинкта самосохранения консервировало вредную энергию, создавало препятствия к ее выходу. А когда остан-

ки извлекались, необузданная энергия вырывалась наружу, и тогда...

– Как ты грамотно все объясняешь, – не выдержала Тамара. – Моей статье недоставало именно такого научного аспекта!

Заколов открыл глаза и сжал пальцы.

– Это слишком неправдоподобно. Лучше не увлекаться этой теорией. Она опасна.

– Но справедлива.

– Не знаю. Меня больше интересует, как ты собираешься измерить энергию биополя Тимура?

– Я думаю, мы ее почувствуем на своей шкуре.

– А если нет?

– Есть один знакомый студент-физик. Он создал прибор, который и не такое может. Но в его разработки тоже никто не верит.

– Так возьми этот прибор – и в мавзолей.

– Прибор работает только в паре с институтской электронно-вычислительной машиной. Как ты знаешь, ее невозможно переместить, – торопливо ответила Тамара, поджала колени и наклонилась к Тихону: – Кроме того, я не сказала самого главного.

– Чего?

– Малик Касымов поведал мне об еще одном важном факте.

– Как я понимаю, он имеет отношение к захоронению.

– Непосредственное. Касымов увлекся воспоминаниями и проговорился. Затем спохватился, но было поздно. Он только попросил никому об этом не рассказывать.

– Любопытно.

– Я в статье все-таки сделала намек, хотя он предупредил, что это опасно. Тогда я не поверила.

– А сейчас?

– Сам видишь, что произошло. Меня выгнали, главного редактора уволили.

– О чем же ты узнала?

Девушка покосилась на открытое окно и перешла на шепот:

– Касымов сказал, что череп Тимура...

В комнату вошел Евтушенко, лукаво посмотрел на придвинувшихся друг к другу молодых людей и усмехнулся:

– Эй, заговорщики, есть будем?

Тамара скептически поинтересовалась:

– Тебе удалось что-то приготовить из моих скудных запасов?

– Макароны с сыром.

– Мировая еда, но только пока горячая, – воскликнул Заколов и отправился на кухню.

7. Честь имею!

Генерал раздраженно отшвырнул пудреницу со стола Ефремова, выдернул тяжелые ящики, перевероршил бумаги. Скоротечный обыск в кабинете профессора ничего не дал. При выходе Аверьянов-старший обернулся на идиотскую мазню, развешанную по стенам.

– Диссидент нераскрытый, – процедил генерал сквозь зубы.

Чернее тучи он сел в машину. Сын, опасавшийся лишний раз шевельнуться, со страхом ждал решения отца.

– В Кремль, – обреченно скомандовал генерал подчиненному.

Через двадцать минут бледный и потный Григорий Аверьянов посередине помпезного кремлевского кабинета выглядел довольно плачевно. Он закончил безрадостный доклад Хрущеву и, не дожидаясь реакции хмурого генсека, скороговоркой попросил:

– Никита Сергеевич, дайте недельку, исправлюсь. Переброю весь Узбекистан, но найду.

– Нет у меня недели! Ты подвел меня, подвел страну, твою мать! Весь Советский Союз поставил на колени! – взорвался генсек, привычно размахивая толстой рукой со сжатым кулаком. – Это предательство, измена! Под трибунал пойдешь!

Когда порыв ярости иссяк, он устало опустил в кресло и

вызвал по селектору министра обороны. В приоткрывшуюся дверь просунулся Малиновский и подобострастно замер у порога. Хрущев, не поднимая взгляда, шевельнул пальцем, словно смахивал крошку со стола и приказал:

– Родион, арестуй генерала.

Малиновский приосанился и шагнул вперед. Григорий Аверьянов торопливо извлек из-за пояса пистолет. При входе кабинет он сдал дежурному пустую кобуру. Министр обороны напрягся, в глазах промелькнул испуг. Генсек сжался в кресле, его палец пополз к потайной кнопке под крышкой стола. В наступившей тишине отчетливо щелкнул затвор. Дрожащая рука генерала КГБ не могла справиться с оружием, ствол дергался во все стороны, пока не уперся в седой висок.

– Я искуплю. Сам, – прохрипел Аверьянов.

Он склонил голову, глаза забегали, наткнулись на рваные галифе. Генерал пригладил свободной рукой оторванный лампас и неожиданно гордо выпрямился. Взгляд стал ясным и твердым.

– Честь имею! – твердо отрапортовал генерал министру обороны.

Это были последние слова офицера. Грянул выстрел. Генерал рухнул лицом вниз на старинный мозаичный паркет из ценных пород дерева.

Хрущев быстро унял волнение, брезгливо поморщился и обошел распластанное тело, стараясь не ступать по пятнам

крови. Он с силой толкнул высокую дверь и быстро пересек приемную, не глядя на испуганно вскочивших военачальников. После тяжелейших бессонных дней генсек испытывал облегчение. Теперь решение политического кризиса для него было очевидным. Военный конфликт с США без талисмана войны начинать никак нельзя. Придется договариваться.

Никита Сергеевич Хрущев швырнул мятый пиджак сидящему за плечом помощнику с генеральскими погонами, расстегнул пуговицу на воротнике потной рубашки и велел передать приказ министру иностранных дел срочно подготовить прямую связь с президентом США Джоном Кеннеди.

8. Таинственный человек под окном

Александр Евтушенко заварил чай, когда уже совсем стемнело. Тамара подула в чашку на кипяток, торопливо отхлебнула и настойчиво увлекла Тихона в большую комнату. Свет включать не стала. Заколов попытался сесть в прежнее кресло, но девушка по-свойски пихнула его в угол дивана, а сама, поджав ноги, примостилась рядом. Их колени соприкасались.

– Я сплю здесь, – чарующе сообщила она и замолчала.

Заколов видел лишь мерцание глаз девушки, от кудряшек исходил сладкий аромат духов, за окном трещали цикады.

– А мне отведено место в соседней комнате, – счел нужным напомнить Тихон.

– Все можно изменить, – девушка склонила голову так, что волосы коснулись плеча молодого человека. Тихон поерзал, но отодвинуться было некуда. Тамара озорно оттолкнула его кулачком. – Да, ладно. Я прикалываюсь.

Заколов постарался перевести разговор в деловое русло:

– Тамара, перед ужином ты хотела сообщить что-то важное.

– Да. Но прежде дай слово, что ты мне обязательно поможешь.

– Я постараюсь.

– Нет, ты должен твердо пообещать.

Тихон хотел заявить, что он никому ничего не должен, не в его правилах давать клятвы, но красивая девушка сидела так близко, от нее исходил такой заряд настойчивости, что проще было согласиться.

– Я обещаю тебе помочь. Мне совершенно не нравится, когда несправедливо обижают журналистов.

– Только поэтому?

– И еще я не привык отказывать красивым девушкам.

– И много их у тебя? – Тамара хихикнула. – Ладно, Заколов, не смущайся. Я знаю, что ты сейчас одинок. А в семнадцать лет ты впервые влюбился, но твоя девушка погибла.

– Ты хорошо подготовилась к встрече, – смутился Тихон.

– Такая профессия.

– Можешь посоветовать своему другу-физику протестировать прибор на твоём биополе.

– Он зашкалит и сломается, – рассмеялась девушка. Потом посерьезнела и грустно добавила: – Он мне не друг. Так, просто знакомый. У журналистов должно быть много знакомых. Кстати, большинство из них меня теперь демонстративно игнорируют. Раньше столько было звонков, а сейчас телефон молчит сутками!

– Поэтому ты обратилась ко мне?

– Не-ет. Если надо, я бы уговорила мертвого. Но дело в том, что никто из моих знакомых помочь мне не в состоя-

нии!

– Это почему же?

– Они все не такие. Кто-то умный, кто-то сильный, кто-то бесстрашный. А мне нужен человек с уникальными способностями, сочетающий в себе все, что я назвала, плюс благородство. Короче, такой как ты!

– Представляю, что тебе напел про меня твой братец. А если он преувеличивает?

– Димка? Этот язва?! Он скорее готов поиздеваться над человеком, чем похвалить.

– Все. Хватит комплиментов, перейдем к делу.

– Хорошо. Я только этого и жду.

– Тогда говори, что тебе рассказал кинооператор?

– Малик Касымов по секрету поведал об очень принципиальном факте.

Тамара многозначительно замолчала. Тихон не выдержал:

– Нет, по тебе явно плачет театральный. Такие паузы...

– Он проговорился, что череп Тимура был захоронен позже.

– В статье об этом сказано.

– Но я не сообщила самого важного. – Глаза девушки расширились, ее лицо вновь приблизилось.

– Опять будешь держать паузу?

– Череп Тимура захоронен отдельно.

Заколову показалось, что он ослышался.

– Отдельно от тела?

– Да.

– Это еще зачем?

– Такой же вопрос я задала Касымову. Он некоторое время пребывал в нерешительности, но я его расколола. Мне кажется, его терзали два чувства. Навязчивая мысль о своей личной вине в том, что началась большая война, и огромное желание поделиться опасной тайной.

– Любопытно.

– Еще бы! А мне как журналистке втройне. Я на этом сыграла, и все у него выпытала.

– Выпытала?

– Ну, не так буквально. Есть разные журналистские приемчики.

«И женские ухищрения», – мысленно добавил Тихон, а вслух спросил:

– И что же ты узнала?

– Ученый, которому было поручено участвовать в захоронении, знал о чудовищной силе черепа Тимура и не хотел, чтобы череп когда-нибудь еще использовался для развязывания войны, пусть даже победоносной. Ему удалось втайне от всех спрятать его в совершенно неизвестном месте. Этой тайной ученый хотел поделиться с Касымовым, но не успел. Он погиб перед самой встречей, скорее всего, не без помощи сотрудников КГБ.

– Начало обнадеживает. Как же мы отыщем тайник?

– Ученый, видимо, предполагал подобный исход, поэто-

му, оставил подсказки для будущих поколений, которые укажут путь к цели. Но разгадать их дано далеко не каждому.

– Это тебе рассказал Касымов?

– Да. Он убежден в этом. Но что это за подсказки и где их искать, он не знает. Хотя, возможно, и утаил что-то. Мне показалось, что Касымов сам хотел найти череп, но усомнился в своих силах. Он думает, что на пути к цели одного ума недостаточно. Нужна еще смелость, решительность, быстрота реакции и удача. Теперь ты понял, почему я обратилась к тебе?

– Спасибо. Но плохой оценкой в таком испытании наверняка является собственная голова.

– Заколов, что я вижу, ты испугался?

– Видеть в такой темноте вряд ли возможно. Даже на таком близком расстоянии. – Тихон вежливо ускользнул от все более тесного контакта с девушкой. – Давай-ка я закрою окошко, и мы включим свет.

Студент покинул уютный диван, шагнул к окну и отдернул занавески. Напоследок хотелось вдохнуть полной грудью свежего воздуха. Рука потянулась к распахнутой раме, но тут же застыла от неожиданности. Внизу щелкнули камешки, вправо мелькнула тень, и послышались торопливые шаги. Тихон высунулся и успел заметить темную фигуру, метнувшуюся за угол. Не оставалось сомнений, что кто-то сидел под окном и подслушивал разговор.

Сделанное открытие не понравилось, но Тихон не подал

виду, девушка и так достаточно напугана. Вместо этого он с удовольствием произнес в ночную темноту:

– Хорошо у вас. Уже ноябрь, а все еще тепло.

– Это Ташкент, – отозвалась Тамара.

Прежде чем закрыть раму, Заколов убедился, что двор не проходной и случайный человек сюда не забредет. Он задернул шторы, оставив лишь узкий зазор посередине, и включил свет.

– С чего предполагаешь начать поиски? – спросил Тихон, стоя боком к окну в центре комнаты.

– Заколов, я думала, ты что-нибудь подскажешь!

– Хм-м. Информации маловато. Я хотел бы поговорить с Маликом Касымовым, мне нужен хоть какой-то намек. Встречу можно устроить?

– Попробую. Хотя будет трудно. После истории со статьей к нему тоже приходили. Он замкнулся и все отрицает. Я ему сейчас позвоню. – Тамара схватила телефонную трубку, набрала номер, но после двух гудков ее пальцы нажали отбой. Трубка вернулась в желобок на пластмассовый рычаг. – Знаешь, давай к нему с утра без звонка нагрянем. Тогда он не сможет отказать.

– Касымов встает рано?

– Да. Встречу он мне назначал утром.

– Вот и отлично. Как только проснемся – сразу к нему.

– Думаешь, он мне не все рассказал?

– К счастью для тебя, не все. – Тихон заметил, как на се-

рую полосу между шторами напоззло темное пятно. Он по-мрачнел. – Но все-таки достаточно много.

Последнюю фразу Заколов произнес тихо, мягко отступил и прижался к стене рядом с окном.

Тамара недоуменно надула губки. Тихон осторожно отодвинул штору и заметил кончик большого носа, прижимающийся к стеклу. Остальную часть лица закрывал серый капюшон. Таинственный наблюдатель вернулся. План Заколова сработал. Осталось выяснить, что за наглец их преследует?

Он сделал знак вошедшему Сашке Евтушенко, чтобы тот побеседовал с Тамарой. Евтушенко сразу понял друга, встал посередине комнаты и начал разглагольствовать об истории правления Тимура. Тихон присел и бесшумно выскользнул в прихожую. Тамара вздернула брови, намереваясь задать вопрос, но Евтушенко ее опередил:

– Я уверен, что загадку Тимура можно решить, не обращая внимания на сиюминутное. Достаточно тщательно изучить историю последних лет жизни эмира. Ты тоже так думаешь?

– Я?!

Заколов тем временем уже был на лестничной клетке. Он решил действовать стремительно.

Толкнув хлипкую дверь, Тихон выскочил из подъезда, развернулся и устремился к затаившемуся под окном человеку. Но тот, проявив чудеса проворности, в два прыжка ис-

чез за углом здания. «Не уйдешь!» – подумал Тихон, набирая темп. Незнакомец, оказавшийся низкорослым крепышом в серой куртке-ветровке, пересек двор, юркнул в арку и свернул на улицу. В тишине раздавался звонкий топот его ног. «По прямой я тебя наверняка догоню. Не могут коротышки быстро бегать», – подбадривал себя Тихон, не на шутку разгоняясь.

На большой скорости он поравнялся с аркой. Хотел схватиться рукой за стенку, чтобы проворней развернуться, но увидел, как внизу путь перегородила высунувшаяся нога. Тщетная попытка перепрыгнуть неожиданное препятствие лишь усугубила ситуацию. Зацепившись о чье-то колено, Тихон взлетел над тротуаром и шлепнулся на пыльный потрескавшийся асфальт проезжей части.

На несколько секунд он остался совершенно беззащитным перед хитрым противником.

9. Аверьянов-младший нападает на след

Офицер госбезопасности Григорий Аверьянов-младший еще долго с содроганием вспоминал липкий позорный страх, охвативший его в первую неделю после смерти отца. Он был отстранен от службы, сидел дома и дергался от каждого телефонного звонка и шума автомобиля, затормозившего у подъезда. Тело отца он вместе с матерью увидел только на похоронах. Гроб привезли прямо на кладбище четыре сотрудника КГБ в штатском. Кроме них, сосредоточенно фиксирующих процедуру погребения, и пожилой пары притихших родственников, никто из знакомых и сослуживцев генерала на похороны не приехал.

Глядя на свежий холмик сырой земли, Григорий Аверьянов в который раз вспоминал последний разговор с отцом перед расставанием в Кремле...

– Если я не вернусь, знай, это из-за гнусной подлости Ефремова в Самарканде. В сорок четвертом году мы вдвоем выполняли там секретное поручение. Я расслабился, он воспользовался этим и жестоко обманул меня.

Аверьянов-младший вопросительно посмотрел на подавленного отца.

– Мы привезли из Москвы череп Тамерлана.

– Того самого? – удивился старший лейтенант.

– Вот именно. Самого жестокого завоевателя! Это было поручение Сталина. А Ефремов, сука, обвел меня вокруг пальца! – Генерал в сердцах стукнул кулаком по приборной панели «Волги».

– Но в чем он тебя обманул?

– Он подsunул в гробницу муляж, а настоящий череп спрятал в неизвестном месте.

– Так что же ты раньше ученого не тряхнул?

– Я был уверен, что все в порядке. И только сегодня, когда череп понадобился нашей партии... Эх! Только бы дали время.

Генерал вышел из автомобиля и направился в приемную генсека. Аверьянов-младший проводил взглядом сгорбленную фигуру отца. Больше живым он его не видел.

... Там же на кладбище старший лейтенант госбезопасности поклялся, что непременно найдет череп правителя Азии Тимура, докажет предательский умысел профессора-вредителя и восстановит честь отца-генерала.

Вскоре после похорон Аверьянова-младшего вызвали на службу. Начальник в приватной беседе сообщил, что добровольный уход из жизни в высших кругах уважают, поэтому дело отца закрыто. Георгий должен оформить вынужденный простой как очередной отпуск и вернуться на службу. Коллеги вновь как ни в чем не бывало стали здороваться с Аверьяновым и тактично, а может, предусмотрительно, о проис-

шедшем не напоминали. Бурная история Лубянки знавала и не такие трагедии. К тому же обстановка в мире разрядилась, конфликт с советскими ракетами на Кубе был улажен, и журналисты-международники стали поговаривать о потеплении советско-американских отношений.

Григорий Аверьянов со временем добился разрешения на расследование обстоятельств секретной командировки отца в 44-м году в Самарканд. Но заниматься этим делом он мог только так, чтобы не страдало выполнение основных заданий.

В качестве первого шага Аверьянов собрал досье на роковую фигуру в судьбе отца, профессора-палеонтолога Александра Семеновича Ефремова. Сразу выяснились любопытные детали.

Оказывается, по образованию Ефремов не кто иной, как инженер-механик. Еще в студенческие годы он зарегистрировал несколько оригинальных изобретений и подавал большие надежды как будущий инженер-конструктор. В летние каникулы студент неизменно подрабатывал в археологических экспедициях, там и проявился его интерес к древним захоронениям, останкам вымерших животных, загадочным страницам истории. В результате Александр Ефремов настолько увлекся палеонтологией, что стал ходатайствовать о переводе на другой факультет. Ему отказали, в тридцатые годы страна остро нуждалась в инженерах. Но студент не сдался. Он умудрялся параллельно посещать лекции крупнейшие-

го специалиста по палеонтологии академика Борисяка. Судя по всему, студент достиг каких-то существенных результатов и после окончания университета по рекомендации академика был распределен в руководимый им научно-исследовательский институт.

В 1944-м Александр Ефремов уже был одним из ведущих специалистов по Средней Азии. Ему и выпала участь сопровождать Аверьянова-старшего в секретной поездке в Самарканд. Точнее, Аверьянов, тогда еще капитан госбезопасности, должен был сопровождать и контролировать старшего научного сотрудника Ефремова.

Перед поездкой Александр Ефремов встретился с антропологом Герасимовым и получил от него предмет за № 41-9/13. В отчете о командировке капитана КГБ Аверьянова указано, что предмет № 41-9/13 успешно помещен в объект «Капсула». Благодаря признанию отца Георгий догадался, что речь идет о черепе Железного хромого Тамерлана, как его звали на Западе, или Великого эмира Тимура, как величали на Востоке.

Побеседовав с влиятельными людьми, Аверьянов выяснил, что Сталин верил в мистическую силу останков Тимура и использовал ее в своих целях. Тимур не мог жить без войны, он совершал один боевой поход за другим. В его черепе сконцентрировалась разрушительная энергия, порождающая человеческую бойню. Но тот, кто владел головой Тимура, владел победой. В отличие от злого гения Наполеона

или прославленного историками Александра Македонского эмир Тимур за свою долгую жизнь не проиграл ни одного сражения.

Победителем в итоге становился и обладатель его черепа!

Из пьяной болтовни спившегося боевого летчика Аверьянов узнал, что самолет с черепом Тимура в декабре 41-го в разгар самых трагических боев за Москву облетел вокруг города. И столица выстояла! Выстояла вопреки всему! Впечатлительный Сталин назвал череп талисманом победы и использовал его при других решающих сражениях. Но в конце 44-го Красная армия была уже значительно сильнее противника. Настало время вернуть череп кровожадного завоевателя на прежнее место в мавзолее Гур-Эмир. Дух войны должен был успокоиться, и долгая война закончится.

По всем отчетам самаркандская командировка завершилась успешно, задание было выполнено, кремлевское начальство оценило это, и карьера отца пошла в гору. Да и Ефремов быстро стал профессором и получил в свое распоряжение лабораторию.

Однако в самый нужный момент, в октябре 1962-го, черепа великого завоевателя на месте не оказалось!

Под предлогом расследования подозрительного несчастного случая в институте палеонтологии, приведшего к гибели профессора Ефремова, Григорий Аверьянов изучил все бумаги в рабочем кабинете ученого. Никакой зацепки, указывающей на то, где мог быть спрятан череп Тимура, офицер

госбезопасности не нашел.

Коллеги ученого о секретной экспедиции 44-го года ничего не ведали. В институтских бумагах значилось, что старшего научного сотрудника компетентные органы вызвали для консультации в Белоруссию. Все полагали, что Александр Семенович помогал идентифицировать останки массовых захоронений, найденных после бегства из республики фашистов. По понятной причине столь тяжелой темы старались в разговорах не касаться и о поездке не расспрашивали.

Немногочисленные родственники припоминали командировку Ефремова в конце 44-го года куда-то на фронт, но ничего внятного рассказать о ней не могли.

Настойчивый Аверьянов продолжил поиски среди домашнего архива профессора. Больше всего он заинтересовался письмами Ефремова той поры. В одном из них Ефремов сообщал, что намеченной цели он достиг и скоро вернется в Москву. Жена ученого припомнила, что Александр Семенович усмехнулся, когда, вернувшись домой, сам получил этот конверт. Письма в военное время шли долго, а он прилетел попутным военно-транспортным самолетом.

Полновластно расположившись в домашнем кабинете профессора, офицер КГБ внимательно рассмотрел пожелтевший конверт и присвистнул. Письмо было отправлено отнюдь не из Белоруссии, а из узбекского города Хива. Его также заинтересовала дата на штампе. Она никак не совмещалась с отчетом отца о поездке.

Григорий Аверьянов напросился попить чаю с хозяйкой квартиры, вежливо поболтал о пустячном и неожиданно задал провокационный вопрос:

– Сколько раз в конце сорок четвертого Александр Семенович уезжал в Узбекистан?

– Один раз.

– Вы уверены?

– Конечно, это ведь военные годы. Кто тогда думал о палеонтологии? Саша так обрадовался, что представилась неожиданная возможность заняться своим делом, – вдова оторопело умолкла, робко промокнула выступившую слезу и виновато добавила: – Но вы ничего не подумайте. О поездке в Самарканд муж сообщил только мне, и то под строжайшим секретом. А я никому-никому! Вот только вам, сегодня. Но ведь вам можно, да?

Григорий Аверьянов отказался от дальнейших расспросов, забрал конверт и, несмотря на позднее время, поспешил на работу. В кабинете на Лубянке под светом настольной лампы он аккуратно развязал тесемки пронумерованной папки с отчетом отца о командировке. Пальцы торопливо вынули нужную страницу, бегающие глазки трижды сверили две даты: на почтовом конверте и в официальном деле.

Вот она, долгожданная зацепка! Георгий даже зажмурился от радости.

Получалось, что старший научный сотрудник Александр Семенович Ефремов вернулся из секретной поездки в Са-

марканд на месяц позже капитана КГБ Григория Аверьянова. И посетил он не только Самарканд.

Что делал ученый в Средней Азии так долго?

10. Мрачный дом кинооператора

– Вот здесь это и произошло. – Заколов пощупал ободранной ладонью саднивший бок и показал Тамаре на арку при выходе из двора. – Сам виноват, не догадался, что тот, кто нас подслушивал, был не один. На дешевый трюк попался.

Ранним утром парень и девушка вышли из квартиры и направились на автобусную остановку. Тихон решил, что пожилой кинооператор Касымов, ведущий замкнутый образ жизни, вряд ли обрадуется визиту большой компании, и предложил Евтушенко остаться дома.

– Зачем ты побежал за ним? – в сердцах спросила Тамара. – Наша улица почти не освещается. Хорошо хоть, после падения тебя оставили в покое. Они же могли напасть на тебя, пока ты лежал! Что тогда?

– Тогда я бы их скрутил. – Заколов задумчиво вытянул губы. – Или они меня.

– Фу! Дурак.

– Согласен. Впредь буду умнее.

– Сдержаннее, – миролюбиво поправила девушка и взяла парня под руку.

– Нет. Все-таки умнее. Если бы я правильно оценил обстановку, хотя бы одного типа обязательно догнал.

– А дальше?

– Мы бы узнали, кто это такой любопытный!

– А так неясно?

– Каждый человек имеет право на защиту частной жизни!

Они ее нагло нарушили!

– Ты что, из Америки? В нашей стране все общественное, – вздохнула девушка.

Весь путь к Малику Касымову Тихон был настороже, незаметно наблюдая, нет ли за ними слежки. Ехали с двумя пересадками, немногочисленные попутчики менялись, поэтому вычислить возможного соглядатая не составляло труда. Но такого не оказалось. Тамару Кушнир данный факт успокоил, а Тихона даже немного расстроил. Он бы не отказался повидать вчерашних врагов и при случае с ними поквитаться.

Пока шли по маленькой улочке из одноэтажных частных домов за высокими глиняными заборами, Заколов дважды оглянулся. В утренний час пыльная дорожка была пустынна. За редкими пирамидальными кипарисами, обрамляющими улицу, вряд ли можно было укрыться.

Тамара Кушнир остановилась перед глухим забором с железной дверью, когда-то покрашенной в изумрудный цвет, а сейчас совершенно выгоревшей и белесой.

– Касымов живет здесь, – сообщила она и нажала на треснувшую кнопку звонка. – Дай Бог, чтобы у него было хорошее настроение.

В глубине двора послышался звук зуммера, издаലെка похожий на жужжание пчелы. Подождали. Надавили еще раз. Вновь только дребезжание старенького звонка и больше ни-

каких звуков.

– У него за домом сад. Возможно, Касымов там и нас не слышит, – предположила Тамара.

– Или куда-то ушел.

– Нет. Он говорил, что два раза в неделю выходит за продуктами, а остальное время перебирает старые фотографии и ухаживает за растениями. В магазины еще рано.

– А на рынок?

– Отсюда далеко. Он упомянул, что любит фотографировать цветы, которые сам вырастил. Я думаю, он в саду.

– Сейчас ноябрь. Цветы могут быть только в доме.

Тамара смутилась.

– Тогда я не знаю.

Тихон посмотрел на личинку замка и толкнул железную дверь. Она отозвалась звонким перестуком выдвинутого язычка в широкой металлической скобе.

– Могли закрыть и снаружи. Позвони-ка еще.

Тамара долго держала палец на кнопке звонка.

– Никого, – сделал вывод Тихон, смерил взглядом высоту забора и вопросительно взглянул на девушку.

– Ты хочешь... – Тамара выразительно подняла подбородок, ее брови удивленно ползли вверх.

– Что же мы, зря сюда ехали?

Заколов уцепился за верхний край забора и ловко перемахнул через каменную преграду. Ноги приземлились в пожухлую траву, колени согнулись. За низкими кустами он

увидел фасад небольшого дома в два окна с закрытой дверью посередине. Пока Тихон вставал и отряхивал руки, в правом окошке что-то мелькнуло!

Кто-то прятался в комнате, или так сыграла тень от кипариса на мутном стекле?

Приглядевшись и не обнаружив более никакого движения, Заколов склонился ко второй версии. Он повернул ручку замка и впустил во двор девушку.

– Ты всегда так поступаешь? – строго спросила Тамара.

– Как?

– Входишь в чужой дом без приглашения.

– Только когда вынуждают обстоятельства.

– Мой брат тебя правильно описал, – расплылась в довольной улыбке девушка.

Тихон двинулся к затихшему дому, но на полушаге замер и поднял вверх указательный палец:

– Слышишь?

– Нет, – девушка перешла на тревожный шепот.

– За домом кто-то ходит.

– Он в саду, я же говорила. – Тамара быстро пошла к углу дома и громко позвала: – Уважаемый Малик! Это я, Тамара Кушнир. Извините, что мы зашли, но у вас калитка была открыта.

– Ты всегда так поступаешь? – усмехнулся Тихон, догнав девушку.

– Как?

– На ходу выдумываешь небылицы.

– Только когда вынуждают обстоятельства.

– Твой брат тебя верно описал.

– Мы подходим друг другу. – Девушка лукаво повела ресницами и вложила ладошку в руку Тихона.

Оба рассмеялись и в хорошем настроении обошли дом. То, что девушка назвала садом, представляло собой три разлапистых фруктовых дерева с наполовину опавшей листвой и несколько колючих кустов роз. В десяти метрах за домом сад заканчивался низким забором, за которым виднелось другое домовладение.

– Малик Касымов, где вы? – несмело произнесла Тамара, ища глазами хоть кого-нибудь в пустом саду. Потеряв надежду, она обратилась к Тихону: – Ты точно слышал шаги?

– Да. – Заколов смотрел на распахнутую дверь веранды, выходящей из дома в сад. Она слегка покачивалась то ли от дуновения ветра, то ли после сильного толчка. Он перевел взгляд на деревья, листва не шевелилась. Значит, ветра нет и в помине! – Кто-то только что воспользовался этой дверью.

– Касымов, наверное. Вернулся в дом из сада, чтобы встретить нас с той стороны, – обрадовалась Тамара, смело подбежала к крыльцу веранды и позвала в открытую дверь: – Уважаемый Малик, к вам можно?

– Не заходи! Подожди здесь! – остановил девушку Тихон, сообразив, что торопливые шаги, которые он слышал, скорее удалялись от дома, чем вели внутрь. Он понизил голос: – Не

нравится мне эта игра в прятки.

Дверца веранды прекратила качаться. Наступила тишина. Радостная девичья улыбка преобразилась в гримасу и застыла испуганной маской на лице девушки.

Заколов отстранил Тамару и осторожно вошел в дом. Дощатый пол веранды поскрипывал под ногами. Это хорошо, подумал Тихон. Своего присутствия он и так не может скрыть, а вот услышать чужие шаги не помешает. На просторной веранде кроме пары плетеных кресел, круглого столика с пиалой и фарфоровым чайничком, этажерки с книгами да вешалки с немногочисленной одеждой, ничего не было. Неаккуратно живет кинооператор, отметил Тихон. Некоторые книги валялись на полу, а часть одежды лежала комом под вешалкой. Издержки творческой личности? Но Тамара про это не упоминала.

Тихон рывком распахнул единственную дверь в следующую комнату, спрятавшись за нее. Предосторожность оказалась излишней. Мрачное помещение встретило тишиной и бледным мерцающим светом. На веранде царил идеальный порядок по сравнению с тем, что Тихон увидел в комнате, похожей на кабинет. Сразу у порога он наткнулся на разбросанные бумаги, журналы, фотографии, они валялись по всей комнате. Книжный шкаф был раскрыт, а его содержимое выпотрошено на пол, все ящики рабочего стола были выдвинуты, дорогу перегораживал перевернутый стул. В дальнем углу беззвучно работал телевизор. Именно он давал странное

неживое освещение, потому что единственное окно комнаты было плотно занавешено. С экрана что-то убедительно пыталась донести говорящая голова диктора в строгом костюме.

В трех метрах от телевизора располагалось высокое кресло. Сначала оно показалось пустым, но, шагнув вперед, Тихон заметил выступающую над спинкой белую макушку. Человек сидел неподвижно, не обращая внимания на присутствие постороннего и, судя по всему, пялился в беззвучный экран.

Тихон потоптался. Затем кашлянул. Человек в кресле никак не отреагировал. Возможно, он ночь напролет смотрел телепередачи и его сморил сон? Но почему выключен звук? И кто только что пробежал через сад?

Заколов поборол первое волнение и присмотрелся. Макушка человека, сидящего в кресле, странно блестела. Тихону даже показалось, что перед ним пластмассовая голова манекена. Кто-то выбежал из дома, оставив куклу? Что за дикий розыгрыш?

Тихон Заколов медленно двинулся вокруг кресла, его взгляд был прикован к гладкой голове. Сначала он различил вздернутый профиль человека, но при плохом освещении до конца не разобрался в увиденном.

На экране начались документальные кадры о войне. Показывали окопную жизнь в ночное время. Комната погрузилась во мрак. Пройдя еще три шага, Тихон оказался напротив темной фигуры в глубоком кресле. Очертаний невоз-

можно было разобрать.

– Товарищ Касымов, – несмело позвал Тихон. – Вы спите?

Старые люди часто засыпают перед телевизором, подумал Заколов и шагнул вперед.

– Товарищ Касымов, – Тихон наклонился, чтобы потрясти оператора.

Рука уже прикоснулась к плечу сидящего в кресле, когда на экране показали залп батареи «катюш». Яркая вспышка отразилась в безумном взгляде седого мужчины с полиэтиленовым пакетом на голове. Молодой человек отшатнулся.

Экранные вспышки последовали одна за другой, и каждая выхватывала новую деталь ужасной картины. Выпученные глаза, распахнутый рот, перетянутый на шее пакет, руки и ноги, примотанные к подлокотникам и ножкам тяжелого кресла. Но самое главное Тихон рассмотрел, когда экран засиял равномерным освещением.

Под левой грудью связанного человека темнело кровавое пятнышко.

Сомнений не осталось. В кресле покоился мертвец в голубой пижаме.

11. Город Мертвых

Два года ушло у Григория Аверьянова на поиски людей, знавших что-либо о пребывании палеонтолога Ефремова в 1944 году в Хиве. Изучение архивов, опросы жителей во время краткосрочных наездов не прошли даром, и в итоге он нашел дом, где несколько недель квартировал ученый. Но здесь его поджидала неудача. В обветшавшем строении давно жила новая семья, которая никогда не видела московского ученого.

Помог сосед, совершенно оглохший аксакал, живший напротив. То и дело вскрикивая, дед радостно поведал, что бывший хозяин, добропорядочный директор городского кладбища Ашмуратов 9 мая 1945 года, когда все вокруг праздновали победу в Великой Отечественной войне, достал старую саблю и в приступе ярости жестоко расправился с женой. Затем он отрубил голову соседу справа, прибежавшему на женские вопли, и бесстрашно напал на четырех вооруженных милиционеров, убил одного, порезал другого, но оставшиеся изрешетили его пулями. Ашмуратов упал вот здесь, любезно указал аксакал на входную дверь, и, грозно тряся указательным пальцем, добавил, что в его дом еще долго боялись войти.

Расспрашивать глухого старца о прежней жизни директора кладбища оказалось бесполезно. Он твердил невнятицу

о духе дикого воина, восставшего из древней могилы и вселившегося в убийцу. Из-за этого весь рассказ аксакала приобретал фантастические черты.

Однако сведения об этом трагическом событии нашли подтверждение в местном архиве МВД. Там же Григорий Аверьянов обнаружил упоминание, что у погибших супругов Ашмуратовых остался восьмилетний сын Бахтияр, который был передан на воспитание в детский дом в Ташкент.

На поиски сына Ашмуратовых ушло еще около полугода. Двадцативосьмилетнего Бахтияра капитан Аверьянов обнаружил в Тобольской колонии строгого режима. Ашмуратов только что был осужден на второй срок за вооруженный грабеж с тяжкими телесными повреждениями. Офицера КГБ рецидивист с бычьей шеей и стальными бицепсами встретил с нескрываемым вызовом, но, узнав, что речь пойдет о давних событиях 44-го года, вмиг стушевался, потупил взор и стал как будто меньше.

– Дай покурить, начальник, – попросил Бахтияр, долгое время дымил молча, потом заговорил, глядя в пол: – Я помню дядю Семеныча. Его так отец звал. Когда он у нас поселился, мать сразу стала ругаться с отцом, потому что приезжий из Москвы искал Город Мертвых.

– Город Мертвых! Что за место такое?

– Не знаешь? Странно. Я думал, ты ради этого и приехал. Многие хотели в него попасть.

– И?

– И ничего, – скорчил презрительную рожу Бахтияр и замолчал.

– Ашмуратов, отвечай на вопрос, – не выдержал офицер. – Что тебе известно о Городе Мертвых?

– Ну, ладно, начальник. Мне рассказывала о нем мать. Много веков назад Великий эмир Тимур напал на Хорезм. Он приходил с войском в наши земли несколько раз. Хива всегда оказывала отчаянное сопротивление, иногда платила большой выкуп, но все равно была захвачена войсками Тимура. Местный хан с сыновьями заблаговременно подготовили подземное укрытие с потайными ходами и скрылись там. Тимур нашел вход в подземелье и отправил туда вооруженный отряд. Но никто из его воинов не вернулся. Тогда Тимур направил втрое больше воинов в подземелье. И опять ни один не смог вернуться. В третий раз Тимур послал в узкий проход самых опытных бойцов в количестве впятеро больше, чем раньше. Он посулил им за голову хана все драгоценности, которые они найдут в подземном городе. Тимур ждал три дня, но никто не вернулся обратно. Тогда разъяренный эмир приказал перебить вдесятеро больше горожан, чем сгинуло его воинов. Он завалил их обмазанными в глине головами вход в подземелье, чтобы никто и никогда оттуда не выбрался. С тех пор подземные ходы под Хивой зовут Городом Мертвых.

– Вот как. А дальше?

– Хана и его сыновей с тех пор тоже никто не видел. Го-

воят, они погибли в хитроумных ловушках, которые сами и приказали соорудить. Мать рассказывала, что всегда находились отчаянные головы, желающие заполучить спрятанные ханом сокровища. Некоторые проделывали лаз среди груды черепов, некоторые искали другие пути, но все, кто попадал в Город Мертвых, исчезали бесследно.

– А как же Семеныч из Москвы? Он тоже туда стремился?

– Он сказал, что его не интересуют клады. Он большой специалист по костям и хочет проверить старую легенду. Отец показал ему древний вход в подземелье, который Тимур завалил отрубленными головами. Но уже много лет назад это место замуровали цементом, чтобы никому не было повадно зазря испытывать судьбу. Семеныч сделал вид, что отступился от затеи, но это было не так. Я был мальчишкой, и мне нравилось следить за ним. Он обследовал все древние сооружения в городе, часто брал с собой непонятные приспособления, а возвращался без них. Иногда он заглядывал на кладбище к отцу и расспрашивал о могилах. Однажды он съездил куда-то и вернулся с небольшим стальным ящиком. Он был очень встревожен. Ночью ящик хранился у нас дома. Я запомнил этот день. Тогда отец первый раз избил маму.

Бахтияр умолк. Аверьянов протянул ему новую сигарету, дал прикурить.

– Какого размера был ящик?

– А-а? Ящик? Размером с посылку, но очень аккуратный. Сделан в виде ларца. Ручка сверху и зажимы сбоку.

– Он его открывал?

– Нет. Сразу спрятал под кровать.

– Что ты еще помнишь о Семеныче?

– На следующее утро, подхватив ящик, он ушел в город. Дома было тоскливо, и я по привычке поплелся за ним. Он скрылся в старой крепостной башне, я не хотел прятаться и вошел следом. Но дальше произошла какая-то чертовщина. В башне имелся только один вход. Семеныч через него не выходил, но внутри его тоже не было. Я увидел лишь голые стены, лестницу наверх, пустую площадку с бойницами и все! Ученый исчез.

– Он мог спрыгнуть сверху, – предположил Аверьянов.

– Сквозь бойницу не пролезешь, а башня была с крышей.

– Ты его больше не видел?

– Почему же? Семеныч появился, но совершенно в другом месте. Днем я был дома, а вечером пошел к отцу на кладбище. Я хотел, чтобы родители помирились. Отец оставался на кладбище последним, когда я потащил его домой. Мы уже вышли за ограду, как тут нас нагнал Семеныч. Он был без ящика и весь в земле, как будто вылез из могилы. Расстроенный отец даже не обратил на это внимания, а Семеныч улыбался и говорил, что дела завершил и завтра уедет.

– Он уехал от вас?

– Да, сразу на следующий день. Я потом думал, откуда он взялся на кладбище? Из города он прийти не мог, это с другой стороны. Я припомнил направление, откуда он шел к во-

ротам. Там в углу был заброшенный склеп. Я зашел в него, плита на могиле лежала криво, я заглянул в щель, а там вместо покойника – черная пустота.

– Что значит пустота?

– Дыра! Дна не видно. Я думаю, это был вход в Город Мертвых.

Аверьянов искоса посмотрел на Бахтияра и, как о само собой разумеющемся, спросил:

– Ты, конечно, в него проник?

– Сначала я боялся к нему подходить, но через месяц сдвинул плиту и увидел глубокую яму, похожую на колодец. Лезть самому было страшно, и я придумал эксперимент. У нас была собака Джуля, которую можно было бросить где угодно, но она всегда возвращалась домой. Я спустил ее в яму. Первые сутки она лаяла, задрав морду вверх. Я не давал ей ни воды, ни еды, и она вынуждена была сунуться в подземелье. Я думал, что если она найдет другой выход, то обязательно объявится дома. Она была очень умной собакой. Если бы она вернулась в колодец, я бы ее поднял. Я ждал ее неделю. Но Джуля пропала.

– И ты не стал рисковать?

– Нет, начальник, я хорошо помнил страшные рассказы матери про Город Мертвых. – Бахтияр словно стряхнул воспоминания детства, распрямился и вновь превратился в закоренелого зэка.

– Покажешь этот колодец?

– Мне на зоне еще семь лет трубить, – усмехнулся Ашму-
ратов.

– Я помогу тебе выбраться раньше, если ты спустишься в колодец и найдешь тот металлический ящик, который видел у Семеныча.

Бахтияр нервно рассмеялся:

– Нет, начальник. Я еще жить хочу. Ищи других дураков.
Из Города Мертвых еще никто не возвращался.

– А Семеныч? Как ему удалось?

– Вот у него и спроси.

– Он умер.

– Своей смертью?

– Не совсем.

– То-то! Это злые духи Города ему отомстили.

Григорий Аверьянов разозлился:

– Что ты мне туфту про духов гонишь! Боишься сам, под-
скажи, как найти этот колодец? Другие смельчаки найдутся.

– Кандидатов в покойнички всегда хватало.

– Так, будешь говорить?

– У нас, начальник, с куревом плохо.

Аверьянов достал начатую пачку сигарет и кинул зэку.

– Этого мало, начальник.

– Будет тебе двадцать пачек.

– И с выпивкой у нас ну никак. Спиртику бы подкинуть,
душа просит.

– Говори, где колодец, будет спирт.

– Не обманешь?

– Я не мент.

– Догадался, давай бумагу. Вот городская стена, здесь старое кладбище. В углу был склеп, но вместо могилы там глубокая яма. Отец говорил, что в давние времена так иногда маскировали колодцы от врагов. Но я тебе скажу, что на колодец эта дыра совсем не похожа. Из нее и выбрался Семеныч.

12. Труп в кресле

Увидев труп в затемненной комнате перед мерцающим телевизионным экраном, Тихон Заколов остолбенел от ужаса. Он напрочь забыл, что за спиной находится дверь в главную прихожую, которую он не удосужился осмотреть. А там все это время прятался человек в плаще и перчатках и хладнокровно прислушивался к происходящему в кабинете. Поняв, что труп обнаружен, он надвинул шляпу, подхватил черный портфель, плотно набитый бумагами, и на цыпочках вышел из дома через основной вход. На углу улицы человек в плаще нашел телефон-автомат, убедился, что поблизости никого нет, и набрал телефон милиции 02. Прикрыв микрофон платком, звонивший сбивчиво сообщил, что слышал из дома известного кинооператора жуткие крики, словно кого-то убивали, и быстро повесил трубку.

Заколов унял первую волну паники, огляделся и щелкнул ногтем по выключателю. В центре комнаты над трупом образовался светлый конус. Тихон чуть-чуть сдвинул плотную штору на окне. Дневной свет, просочившийся внутрь, сделал картину убийства не столь тягостной. Молодой человек негромко позвал девушку и встретил ее на пороге комнаты.

– Тамара, мы с тобой опоздали. В доме произошло убийство. Сейчас ты посмотришь на тело... Спокойней, Тамара. –

Заколов подхватил побледневшую девушку. – Только не падай в обморок. Я этого не люблю. Возьми себя в руки. Надо опознать Касымова. Потом мы уйдем.

Он подвел девушку к креслу, поддерживая за талию.

– Это Малик Касымов?

Тамара судорожно кивнула, вцепилась в Заколова и дрожащим голосом спросила:

– Что здесь произошло?

Тихон тяжело вздохнул:

– Я думаю, все было очень просто. Касымова подняли ночью с постели. Видишь, он в пижаме. Привязали к креслу и стали пытаться. Пытка была немудреной. Наденут пакет на голову, подождут, пока начнет задыхаться, снимут. И вновь задают вопрос. Действовали хладнокровно и расчетливо. Обрати внимание, Касымова перетащили из спальни в кабинет. Эта комната в центре дома, и здесь всего одно окно. Чтобы не было ничего слышно, задернули шторы и включили телевизор. – Заколов окинул взглядом выпотрошенную комнату. – Они что-то искали, а он не хотел отдавать. У Касымова могли быть большие деньги?

– Вряд ли.

– Я тоже так думаю. Судя по разбросанным бумагам, убийцы искали не ценности, а документы.

– Убийцы? Их было несколько?

– Как минимум двое.

– Объясни.

Тихон с удивлением смотрел на Тамару, которая минуту назад почти теряла сознание от ужаса, а сейчас освоилась с присутствием трупа и с любопытством осматривала комнату. Настоящая журналистка, ничего не скажешь.

– Двое, потому что один держал, а другой связывал. Видишь, лицо жертвы без побоев, пижама не повреждена, да же все пуговицы на месте. Если бы действовал один, пришлось бы оглушить или сильно избить, прежде чем беспрепятственно связать.

– Какие документы они искали?

– Сдается мне, что их интересует то же самое, что и нас.

– Почему ты так думаешь?

– Вчера нас кто-то подслушал. Мы говорили, что утром пойдем к Касымову. И нас решили опередить.

– Вот беда! Опоздали!

– Ты расстроена смертью человека или пропажей документов?

– Отстань! Что за идиотский вопрос?

– Я просто хочу лучше тебя понять.

– Мне нужно знать, где череп Тимура!

– Спасибо за откровенность.

– Что ты цепляешься за слова? Убийцы могли прийти и после нас. И так же пытаться, и так же убить.

– Это логично. Кстати, могу тебя успокоить. Информацию убийцы не получили.

– Почему ты так уверен? – понурая Тамара оживилась, с

надеждой глядя в глаза Заколову.

– Малика Касымова пытали вплоть до нашего прихода. Значит, он ничего убийцам так и не сказал. А умер он не от удушья.

– Отчего же? У него пакет на голове.

– Перед тем как задохнуться, человек теряет сознание. Тогда и глаза, и рот были бы закрыты. Касымов умер мгновенно. Посмотри на темное пятно под левой грудью. Его ударили тонким ножом или заточкой прямо в сердце. Я пытался прощупать пульс на шее. Кожа была еще теплой. Убийцы услышали наш звонок, отключили звук телевизора, накрыли Касымова пакетом. Когда увидели, что мы все-таки идем в дом, они для верности его закололи и убежали через сад. Их шаги я как раз и слышал. – Тихон задумался, что-то вспоминая. С досадой прикусил губу и воскликнул: – А ведь я слышал шаги только одного человека.

Он повернулся и распахнул дверь в прихожую. Прямо напротив нее располагался приоткрытый вход в дом.

– Как же я сразу не догадался осмотреть все комнаты! Они ушли разными путями. Один до последнего наблюдал за нами. Он видел, как мы прошли в сад. Чего он ждал? Войдем мы в дом или нет? Обнаружим труп или нет? А если так. – Заколов медленно провел ладонью по лбу. – Если так, нам надо уходить отсюда как можно скорее.

– Подожди. Мы должны узнать, где череп Тимура. – Тамара сидела на коленях и перебирала рассыпанные бумаги и

фотографии.

– Ничего не трогай! Не оставляй отпечатков!

– Я здесь уже была. Касымов мне показывал фотографии, – равнодушно пожала плечами девушка. – Он намекнул, что знает путь к тайне.

– Как он намекнул?

– Да никак конкретно. Но я по глазам поняла, по многозначительной интонации.

– Боюсь, у нас мало времени.

– Вот именно! Лучше бы делом занялся.

Заколов хотел настоять, но смутился. Двадцать минут назад он сам показал пример, дерзко проник на участок, а затем и в дом. Сейчас девушка активно ищет, ее не смущает даже присутствие трупа, а он.... Заколов осмотрелся. Искать что-то в ворохе бумаг бессмысленно, на это уйдут часы. Среди книг он заметил детективы Конан Доля, Агаты Кристи и Жоржа Сименона. Значит, покойный оператор интересовался классикой жанра. А кто-то из великих авторов сказал: лучший способ что-нибудь спрятать – положить на самое видное место. Надо попробовать исходить из этого. Что бросается в глаза при входе в комнату?

Тихон отошел к порогу.

– Ты уходишь? – брезгливо спросила Кушнир, продолжая лихорадочно листать бумаги.

– Не мешай. У тебя есть дело, вот и занимайся.

Заколов по-новому взглянул на растревоженный кабинет

кинооператора. Помимо двухтумбового стола и книжного шкафа, где основательно покопались убийцы, в глаза бросалась стена, увешанная фотографиями. Здесь были как интересные авторские работы Касимова, так и фотографии, на которых был снят сам оператор в окружении коллег и друзей.

Тихон прошел вдоль стенки, вглядываясь в пейзажи, архитектурные памятники и лица людей. Фотографий было около трех десятков. На многих виднелись средневековые строения. Возможно, среди них оператор запечатлел конкретное место погребения черепа Тимура. Но Касимов утверждал, что сам его не знает, и, скорее всего, это правда. Он также упоминал сотрудников КГБ и ученого археолога. Они напрямую причастны к тайне. Офицеры и генералы на фотографиях встречались, но это все были снимки боевых командиров времен Великой Отечественной войны. Попадались и групповые фото археологов. Их можно было узнать по грубой запыленной одежде, панамам, бородкам и загорелым лицам. Какую же из фотографий выбрать? Где подсказка?

Заколов развернулся спиной к стене и натолкнулся на мертвые глаза Касимова. Еще полчаса назад этот человек был жив. Но, что удивительно, в предсмертный миг он смотрел не на убийц! Тот, кто натягивал пакет, стоял за спиной жертвы, а нанеший смертельный удар прямо перед телом или слева. Голова же оператора была явно повернута вправо, и смотрел он на стену с фотографиями!

Тихон попытался угадать точное направление взгляда. Он

двигался вдоль стены, приседая или вытягиваясь, пока не почувствовал, что мертвые зрачки оператора нацелены точно в его глаза. Стараясь не сместить голову, как был, в полуприсяде, Тихон развернулся. Его нос уперся в невыразительную фотографию.

Малик Касымов был снят в каком-то музее живописи перед абстрактным полотном. Оператор сжимал книгу и рассматривал странную картину. На ней были изображены различные угловатые геометрические фигурки и точки. Фигурки образовывали непонятный узор. Ни одну из известных работ абстракционистов картина не напоминала.

Какое-нибудь очередное направление в современном искусстве – символизм или геометризм, подумал Тихон. Только что эта заурядная фотография делает в ряду избранных?

Заколов обернулся, чтобы спросить Кушнир о фотографии. Между ними пролегла полоска солнечного света от окна. Он едва успел произнести имя девушки, как заметил тень, пересекающую светлую зону. Кто-то появился во дворе! Убийца? Только этого не хватало!

Тихон приложил палец к губам, сделал знак девушке, чтобы та не вставала, а сам беззвучно отступил к выходу на веранду. Заглянув туда, он понял, что случилось нечто гораздо худшее, чем возвращение убийцы. Снаружи за стеклами крался милиционер. Сотрудник внутренних дел старательно приседал, забыв про высокую фуражку, которая двигалась по срезу окна, как декорация в кукольном спектакле.

Выход во двор через веранду был невозможен.

Заколов схватил девушку за руку и метнулся к главному входу. Тамара сжимала кипу фотографий. Быстро проникнув в прихожую, молодые люди с ужасом заметили, как медленно, без скрипа, открывается основная дверь. Милиция поступила на удивление расчетливо. Оба пути к бегству были отрезаны.

Заколов и Кушнир оказались в ловушке вместе с трупом уважаемого кинооператора, который еще не успел окоченеть.

13. Вход в Город Мертвых

По незамысловатому рисунку заключенного Бахтияра Ашмуратова капитан госбезопасности Григорий Аверьянов хотя и не сразу, но обнаружил на одном из кладбищ Хивы необычный старинный склеп без покойника. Он сдвинул плиту надгробья и увидел темную прямоугольную яму. Луч мощного фонарика метнулся по каменным стенам и уперся в глубокое дно. С помощью веревочной лестницы капитан спустился вниз. У самого дна в стене зияло узкое отверстие, свет фонарика тонул в непроглядной черноте дыры.

Аверьянов отпрянул от проема и вытер холодный пот дрожащей рукой. Позабытый чертик детского страха вцепился когтями в голову и злорадно прыгал на плечах. В школьные годы в гостях у бабушки Гришу Аверьянова случайно заперли в деревенском погребке. Он просидел в сырой темнице всего два часа, но ему казалось, что минула целая неделя. Сколько его ни успокаивали потом, детская фобия – оказаться запертым под землей без света – навсегда засела в сознании Григория Аверьянова. Он стыдился ее, но поделать ничего не мог, страх был сильнее.

Капитан выбрался наверх и прикрыл склеп. Самое главное, вход в таинственный Город Мертвых он нашел, дальнейшее можно поручить специалисту, успокаивал себя капитан госбезопасности.

Через неделю в подземелье спустился опытный археолог. Его глаза горели от восторга в предчувствии важных открытий. Капитану был нужен лишь стальной ящик в виде ларца. Славу первооткрывателя он готов был отдать ученому.

Григорий Аверьянов ждал ученого сутки, потом еще три бесконечно долгих дня. Он дремал, не выходя из склепа, боясь пропустить возвращение археолога с ценной для государства находкой. Но даже через неделю яма хранила безмолвие.

Придя к закономерному выводу, что для исследования подземелий обязательно необходим специалист по пещерам, Аверьянов отправил в Город Мертвых нового археолога вместе с опытным спелеологом. Капитан ждал в склепе, постоянно поглядывая на часы. Прошли оговоренные восемь часов, никто не появился. Стрелка на циферблате сделала еще столько же оборотов, ни единого звука из подземелья не раздавалось. Спустя трое суток Аверьянов понял, что люди исчезли.

Он припомнил все ужасные истории, которые слышал про Город Мертвых, и к следующей экспедиции подготовился основательно. Капитан нашел лучшего скалолаза, опытного спелеолога и альпиниста, покорившего несколько семитысячников. Для охраны к ним были приставлены двое хорошо вооруженных спецназовцев из элитного подразделения КГБ. В качестве специалиста по древним захоронениям Аверьянов выбрал молодого, физически развитого археоло-

га. Экспедиция была снабжена самыми современными рациями. Группа шла связками по два-три человека, конец капроновой веревки был выведен наружу.

Экспедиция из шести человек спустилась в неизвестность на рассвете. Григорий заметил, что альпинист и скалолаз перекрестились. Коммунист Аверьянов и сам был готов это сделать, лишь бы пошло на пользу. Первые минуты он слышал бодрые голоса, затем радиосвязь пропала. К этому капитан был готов, толща земли все-таки солидная. Он рассчитывал на возобновление сигнала, если вдруг экспедиция поднимется где-то в другом месте.

Движение группы Григорий Аверьянов контролировал по веревке. Толстая бобина уверенно крутилась, экспедиция продвигалась вглубь. Каждые пятнадцать минут следовали два резких рывка. Это означало, что все идет по плану, происшествий нет. Сразу после пятого подобного сеанса следовали три частых рывка. Опасность! Затем веревка стала стремительно разматываться. Вновь три рывка! И капитан почувствовал, что нить неожиданно ослабла, натяжение исчезло. Возможно, они повернули назад?

Он выбрал несколько метров шнура и сильно дернул. Этот знак являлся вопросом: у вас все в порядке? Вместо ответа веревка легкой петлей выскочила наружу. Капитан дернул еще раз, никакого сопротивления он не почувствовал. Беспорядочно перехватывая, руки тянули и тянули тонкий шнур. Вскоре он рассматривал почерневший, оплавившийся

конец капроновой веревки.

После исчезновения спецназовцев начальство КГБ обратило внимание на самоуправство капитана Аверьянова. Вдобавок по Узбекистану поползли слухи, что КГБ расправляется с неугодными гражданами в тайной подземной тюрьме. Подробный отчет Аверьянова о неудавшейся экспедиции не удовлетворил руководство. В бесследное исчезновение десяти человек трудно было поверить. На всякий случай всех пропавших объявили во всесоюзный розыск, который, впрочем, не дал результатов. Григорию Аверьянову на долгие годы запретили посещать Среднюю Азию, несмотря на его аргументы о важности для страны продолжения поисков черепа всемогущего Тамерлана.

Хрущев в те годы уже не правил страной, а новое руководство больше верило в силу термоядерных боеголовок, чем древних костей. «Нам достаточно мощей покойников на Красной площади, – отшутился высокопоставленный член ЦК КПСС в беседе с председателем КГБ. – Сталин и Ленин оградят Кремль от любых напастей». Председатель КГБ не стал спорить. Но, будучи прагматиком, он понимал, уничтожать народ внутри страны – это один вид силы, а завоевывать чужие страны – совсем другой. За долгие годы службы в госбезопасности он сталкивался с самыми невероятными фактами и не исключал любых чудес. Все чудеса должны были работать на страну, поэтому председатель КГБ издал секретный приказ, который в специальном конверте был доставлен

в управление КГБ Самарканда.

Перед отправкой он ознакомил с приказом Григория Аверьянова.

– Из уважения к твоему отцу назначаю тебя координатором этой темы. Как только залетная птичка сунется в наше гнездышко, ты будешь оповещен. Жди и наберись терпения.

Ожидание Григория Григорьевича Аверьянова растянулось на долгие годы.

14. Бегство из ловушки

Тихон сжимал локоть девушки, глядя на открывающуюся дверь. Сейчас их застигнут на месте преступления и арестуют. Доказать свою непричастность к жестокому убийству кинооператора будет очень трудно, а скорее, невозможно. Назад бежать бессмысленно, там тоже милиционер. Если юркнуть в спальню, а дальше через окно? Неизбежен шум. Пока откроешь раму, пока выберешься, обязательно настигнут. Нет, вдвоем даже через окно не успеть.

Дверь плавно открывалась внутрь, еще мгновение – и они предстанут перед вооруженным оперативником как на ладони.

И тут Заколова осенило. Он шепнул Тамаре:

– Повернись спиной и стой, пока не позову.

На дальнейшие объяснения не осталось и доли секунды. Тихон развернул окаменевшее тело девушки, а сам спрятался за створкой открывающейся входной двери. Она распахнулась уже почти под прямым углом, когда милиционер, заметивший Тамару, грозно крикнул:

– Стоять, не двигаться!

Оперативник шагнул внутрь. Заколов ждал именно этого момента. Он плавно отвел тяжелую дверцу на себя, будто она открывается по инерции, и резко направил ее обратно. От шумного хлопка по лбу дверь завибрировала. Удар оказался

плотным, милиционер рухнул, как при нокауте. На пол грохнулся пистолет и откатился под ноги девушки. Тихон схватил опешившую Тамару, молча толкнул ее через лежащего в дверях оперативника и выскочил следом.

Тамара устремилась к открытой калитке, ведущей на улицу. Тихон выбил из ее руки фотографии, ухватил за талию и направил за угол дома.

– А вот теперь спешить не следует. Включаем логику, – шептал он, заставляя девушку пригнуться. – Сейчас второй милиционер побежит на помощь первому, затем они увидят оброненные бумаги перед забором и выскочат на улицу. А мы тем временем ускользнем через сад.

Так и получилось. Два оперативника, отчаянно ругаясь, выбежали за калитку. Молодые люди беспрепятственно перемахнули через невысокий забор, украдкой прошли соседский двор и выбрались на параллельную улицу.

Вернувшись на квартиру Тамары Кушнир, Тихон откинул вежливость и учинил девушке допрос:

– Тома, настало время поговорить серьезно. Ты о чем-то умалчиваешь. Откуда взялась вторая сила, которая ищет то же самое, что и мы?

– Я же говорила. Это КГБ. После статьи они все выпрашивали и вынюхивали. Их люди даже следили за мной!

– Еще вчера я тоже так думал. Но госбезопасность так не действует. Они бы просто арестовали Касимова, применили свои коронные методы воздействия, а если потребовалось бы

устранить, то инсценировали бы несчастный случай. А тут топорная работа жестоких бандитов.

– А если кто-то из кагэбэшников действует самостоятельно, без приказа?

– Нет, Касымова посетили совсем не они. Это видно по следам абсолютно бессистемного непрофессионального обыска. Кто еще мог знать о тайне, связанной с черепом Тимура? Кому еще рассказал кинооператор эту историю?

– Никому. Я была первой. Как ты помнишь, я пришла к нему, чтобы расспросить о войне. Но он больше не мог жить наедине с этой невероятной тайной, она жгла его. Касымов выговорился, и ему стало легче.

– Как сказал Сократ, человеку легче держать на языке горячий уголь, нежели тайну.

– Да. А ты, я смотрю, начитанный. То Шекспира, то Сократа цитируешь. Даром что технарь.

– Техническое образование не в пример шире гуманитарного.

– Это почему же?

– Потому что толковый физик или математик легко освоит все то, что знает любой журналист. А ты не сможешь объяснить, почему лампочка светится, телевизор работает или самолет летает.

– Я! Да я, если хочешь знать...

– Так почему самолет летает? Большой тяжелый самолет.

– Потому что у него крылья, как у птиц.

– Он же ими не машет.

– Отстань!

– Вот видишь... Ладно. Мы отвлеклись. – Заколов потерял виски и вновь обратился к девушке: – Ты говорила, что все экземпляры газеты со статьей изъяты. Все, кроме одного, спрятанного тобой. Так?

– Был еще один. У главного редактора, которого уволили.

– Кто он?

– Кто-кто! Нормальный толковый дядька, Давид Вахтангович. Двадцать лет в журналистике. Отличный специалист, если хочешь знать! Не пожалели, выгнали без права работы в средствах массовой информации. Представляешь?

– Представляю, как ему обидно.

– Еще бы! Ведь он грузин, у них гордость в крови. А тут выкинули, как нашкодившего мальчишку.

– Как грузин оказался в столице Узбекистана?

– Эй, технарь, разуй глаза, на дворе двадцатый век! Ташкент всегда был интернациональным городом, а после землетрясения в шестьдесят шестом году вся страна приехала на помощь. Я еврейка, он грузин, а после его смещения газету возглавил армянин. Кстати, как гуманитарий открою тебе интересный факт. В мире есть две очень древние нации, которые не помещаются на своей исторической родине.

– Давай угадаю. Это евреи и...

– И армяне. Эти народы никогда никого не завоевывали, а если и сражались, то только за свою землю. Их же, наобо-

рот, часто угнетали и истребляли, но невзгоды их только закалили. Евреи и армяне рассеяны сейчас по всему миру, их можно встретить в любой стране, на любом континенте. При этом они не забывают своих исторических корней и гордятся своей национальностью.

– Гордиться своей национальностью – это все равно что гордиться тем, что ты родился во вторник, а не в среду. Человек должен гордиться своими собственными достижениями.

– Фу, ты такой черствый! Заколов, абстрагируйся от своей прямолинейной логики. Ведь есть же высшие ценности.

– Есть, не спорю. Это те вершины в науке и искусстве, которых достигло человечество. При этом совершенно не важна национальность титанов разума, плодами которых мы пользуемся.

– Кому как, а мне не все равно.

– Ну, хорошо, мы опять отвлеклись. Вернемся к редактору. Как ты думаешь, у Давида Вахтанговича могло появиться желание разыскать череп Тимура?

Тамара нахмурила лоб и серьезно задумалась. Заколов попытался подсказать:

– Возможно, он тоже хотел добиться справедливости, восстановиться на работе.

– Я с ним виделась. Он шутит, бодрится, но внутри у него все клокочет. Однако, как бы тебе сказать? Понимаешь, он кабинетный работник, привык работать с бумагами и реаль-

ное приключение вряд ли осилит.

– Это смотря какая цель. Очень много в любом положении решает мотивация. Раз наши конкуренты пошли на убийство, мы вляпались в очень серьезное дело. Ты бы пошла на убийство ради восстановления в университете?

– Нет. Но я девушка.

– То есть для подобной грязной работы существуют мужчины? Рыцари вроде меня?

– Заколов, хватит паясничать! Лучше скажи, что теперь делать? Касимова нет, фотографии из моих рук ты выбил, а там были мавзолеи и мечети эпохи Тимура. Возможно, Касымов их неспроста фотографировал.

– Я думаю, ты легко узнала эти места.

– Разумеется.

– Значит, фотографии нам не нужны. Или на одной из них была надпись, а ты забыла на какой?

– Какая еще надпись?

– Что здесь, под этим камнем, спрятан череп Тимура.

– Смеешься?

– Зачем же нам фотографии без надписи.

Тамара погрузилась. Тихон задумался, склонил голову, сцепил пальцы. Губы дважды отчетливо прошептали: «без надписи, без надписи». Через минуту он воскликнул:

– А вот я в кабинете Касимова увидел одно очень любопытное фото! И похоже, на нем есть надпись.

– Что же ты молчал! Где? Какое фото?

– На стене. Помнишь стену, увешанную фотографиями в рамках?

– Да.

– На одной из них Касымов в музее разглядывает непонятную картину.

– Ну и что? Какую надпись ты там видел?

– На картине странный узор из знаков. Я думаю, это зашифрованное послание.

– Это абстрактное искусство, Заколов! Сейчас художники и не такое малюют.

– Возможно, но я не упомянул самого главного. В предсмертный миг Касымов смотрел не куда-нибудь, а на нее!

– Ты думаешь, что это важно?

– Конечно! Он взглянул на то, ради чего он погибает!

– Что же там было?

– Я должен припомнить узор.

Заколов вскочил как ужаленный, схватил листок бумаги и погрузился в рисование символов. Тамара пыталась смотреть из-за плеча. Тихон быстро чертил угловатые знаки, некоторые зачеркивал, рисовал вновь, иногда задумывался и от отчаяния грыз карандаш. Потом он оттолкнул бумагу и раздраженно сломал карандаш, сжав пальцами одной руки.

– Достоверно не могу вспомнить! На картине еще были точки. Они наверняка что-нибудь значат. Жаль, что не захватил фотографию. А вернуться в дом невозможно. Там теперь всю работу делают эксперты.

– Подожди. – Тамара сжала плечо Тихона. – Когда во время встречи я попросила Касимова сфотографироваться для газеты, он долго не соглашался, а потом встал около этой стены, давал мне указания и даже сам выставил свет. Я щелкнула, но в газету снимок все равно не опубликовали.

– У тебя он остался?

– Да. Я еще вчера хотела показать. Сейчас. – Девушка вытащила из комода карточку и протянула Заколову: – Вот, взгляни. Он встал у той самой картины!

15. Последняя фотография Касымова

Тихон с трепетом взял небольшую фотографию. Тяжело было наблюдать живое лицо только что убитого человека. Малик Касымов смотрел в объектив с вызовом. Он как бы вопрошал: вот я – заслуженный человек, а кто ты? Тень падала вправо, делая неразличимыми фотографии в той части стены. Зато слева, прямо над плечом, отчетливо виднелся снимок, так заинтересовавший Заколова.

Тихон поднес фотографию к лицу, пытаясь разглядеть символы на картине.

– Ты не знаешь автора этой картины? – спросил он девушку.

– Нет. На европейскую живопись не похоже, на восточную школу тем более. По крайней мере в ташкентских музеях такой картины нет. За это я ручаюсь.

– Сдается мне, что в других музеях тоже. Возможно, это фотомонтаж. Ведь Касымов профессиональный оператор.

– И о чем это говорит?

– Если он сам выбрал ракурс, да еще в контексте разговора о Тимуре, то...

Из прихожей раздался звонок. Заколов и Кушнир тревожно переглянулись.

– Милиция не могла нас так быстро вычислить, – попытался успокоить Тамару Тихон, а про себя подумал: «Если только им не подсказали наши таинственные конкуренты».

Новый, более настойчивый звонок заставил девушку вздрогнуть. Заколов сжал ее руку, просчитывая возможные варианты. Разглядели их в доме Касимова или нет? Оставили они следы или нет? Очень жаль, что не додумались сразу переодеться.

Вслед за третьим звонком из-за двери послышался нетерпеливый голос Евтушенко:

– Тихон, Тамара, это я – Сашка!

– Как же мы забыли! – Хлопнул себя по лбу Заколов и пошел открывать дверь.

– Я не помешал? – хитро улыбнулся Евтушенко, войдя в комнату.

Тамара непроизвольно поправила растрепанные волосы.

– Где ты был? – не обращая внимания на намеки, спросил Тихон. – Тут такие дела!

– Ташкент смотрел, ведь мы в турпоездке. Захлопнул дверь и ушел. Вы же меня с собой не взяли.

– И зря. Если бы ты понаблюдал за домом кинооператора, пока мы были внутри, многое бы прояснилось.

– Вечером у нас поезд, ты помнишь?

– Вечер будет вечером, а сейчас день, – проворчал Тихон и вновь увлекся разглядыванием фотографии.

– Что там, – заинтересовался Александр, – Касымов?

– Меня интересует не он, а картина. Но она очень мелкая, – посетовал Заколов. – Тут явно какой-то шифр, а разглядеть трудно.

– Шифр? – удивился Евтушенко. – Мы играем в шпионов?

– Пока в археологов. И если это игра, то очень опасная. Сегодня из-за нее убили человека.

– Касымова? – воскликнул Евтушенко.

– Откуда знаешь? В городе уже говорят? – встрепелась Тамара.

– Вы же к нему ездили. Я и подумал.

– Все верно. Его зверски убили прямо перед нашим приходом. Мы нашли в доме только труп.

– Нас чуть милиция не схватила! – выпалила Тамара. – Еле смылись.

– Вот это сюрприз! Хорошенькое начало.

– И я про то же. Поговорить с Касымовым не удалось. Это он на снимке. Всего три недели назад, живой и здоровый. Наверное, это последняя его фотография. – Тихон разочарованно отложил карточку. – Но она нам не поможет, а в дом теперь не попасть.

– Если мелко, надо увеличить снимок, – предложил Александр.

– Точно! Тамара, у тебя должен был остаться негатив. Где он?

– Снимок печатала не я, а наш редакционный фотограф. У меня даже оборудования нет.

– Он тебе вернул пленку?

– Нет, зачем. Все у него осталось.

– Надо срочно увеличить изображение. Ты можешь с ним связаться?

– Сейчас позвоню. Если только он дома.

– Он работает на дому?

– Рома Киреев внештатный фотограф, как и я.

– Подожди, я проверю, не подслушивают ли нас и на этот раз. – Заколов выглянул в окно, убедился, что двор пуст и разрешил: – Можешь звонить.

Тамара Кушнир набрала номер, пококетничала с собеседником и радостно крикнула Тихону:

– Рома хранит все негативы! Насколько увеличить фото с Касымовым?

– Он далеко живет?

– Да нет, не очень.

– Лучше мы приедем, и я покажу.

Тамара быстро договорилась о встрече и положила трубку. В ее глазах вновь вспыхнули искры охотничьего азарта:

– Ты думаешь, мы на правильном пути?

– Возможно.

– Рома нас ждет.

– Так едем!

Девушка замялась:

– Меня же сегодня видел милиционер в доме Касимова. Вдруг кто-нибудь опознает.

– Томочка, милиционер заметил незнакомую девушку, причем сзади и всего на одну секунду. На что в этом случае смотрит мужчина?

– На волосы, – подумав, ответила девушка.

– А твое мнение, Александр?

– На попу, – помявшись, выдавил Евтушенко.

– Это ближе к истине. За секунду он вряд ли что-то успел разглядеть выше талии. Итак, наша задача привлечь взгляд к чему-то другому. У тебя мини-юбка есть? – обратился Тихон к девушке. Тамара кивнула. – Тогда надевай. Чем короче, тем лучше. И туфли не забудь. А волосы стяни яркой резинкой в хвостик.

Тамара собралась выйти в соседнюю комнату, но Тихон задержал ее в дверях и попросил не оборачиваться.

– Саша, представь, что ты милиционер. Посмотри и постарайся запомнить эту девушку.

Когда Тамара вернулась на высоких каблуках в джинсовой мини-юбке, светлой блузке навыпуск, с прихваченными пестрой резинкой волосами, Заколов предложил ее пройти и повернуться.

– Не узнашь. Совсем другая девушка, – одобрительно покачал головой Евтушенко.

«И очень красивая», – хотел добавить Тихон, по-новому разглядывая стройные ноги и тонкую талию девушки.

Этажом выше квартиры Тамары Кушнир человек в песоч-

ном плаще отсоединил наушник от телефонного провода в распределительном щитке и спустился во двор. Выйдя на улицу, он нашел телефон-автомат, дождался соединения и без приветствия сообщил:

– Они едут к фотографу по имени Роман. Будут увеличивать фотографию Касымова.

– Адрес узнал?

– Прослежу.

– Сразу сообщишь мне, и будь готов к активным действиям.

– Я, как пионер, всегда готов.

16. Двойной визит к фотографу

Дверь в квартиру фотографа на седьмом этаже панельного дома открылась после первого звонка. Длинноволосый небритый парень в темных очках приветливо распахнул створку, но, увидев Заколова, перегородил проход и встретил Тамару Кушнир недовольной репликой:

– Ты кого с собой притащила?

– А тебе, Ром, не все равно? – Тамара пихнула худощавого фотографа и прошла в квартиру.

– Будем считать, что мне по фигу, – миролюбиво согласился Роман, пропуская Заколова. – Но лучше, когда девчонка одна приходит, без эскорта.

– Только не к такому ловеласу, как ты.

– Том, ну зачем ты так? Я добрый и нежный.

Тамара осмотрела зашторенную комнату, ловко развернулась на каблуках лицом к фотографу и игриво поцокала ноготком по его крупным солнцезащитным очкам:

– У тебя здесь что, яркое солнце, Ромик?

– Издержки профессии, Тamarочка. Привык к полумраку лаборатории.

– Знакомься. Это Тихон. Он вместе с моим братом учится.

– А-а, ракеты-самолеты. – Рома пренебрежительно скривился в ответ на кивок Заколова и сразу перевел заинтересованный взгляд на стройные ноги девушки. – Томка, ты се-

годня – супер! Давай сделаю снимок в стиле «соблазн». Располагайся здесь.

Он указал на низкий диван с многочисленными подушками, на который был направлен отключенный софит на треноге. Тамара плюхнулась в мягкий угол, смело скрестила еще более оголившиеся ноги и с вызовом спросила:

– Может, сразу в стиле «ню»? Ты меня, Ром, ни с кем не перепутал? Хочешь пополнить коллекцию? – Она небрежно указала пальчиком на крупные фотографии полуобнаженных девиц, развешанные по стенам. Многие из них были сняты во фривольных позах именно на этом диванчике. – Это галерея твоих творческих успехов или мужских побед?

– И то и другое.

– Как же ты добиваешься... другого?

– Во-первых, я художник. Фотохудожник! Таких девушки любят. А во-вторых, я знаю элементарные законы физиологии.

– Любопытно?

– Красный цвет стимулирует сексуальное желание. У тебя есть ярко-красное обтягивающее платье?

– Как-то обхожусь.

– А зря. На него мужики просто кидаются. Попробуй.

– На старости лет обязательно воспользуюсь твоим советом. Но ведь на красное так бурно реагирует только мужской организм. Сразу вспоминаются быки на корриде.

– Ошибаешься! Физиологические реакции не зависят от

пола. Это на уровне подсознания.

– Теперь я поняла, почему «красные» победили «белых» в Гражданскую войну. За них были женщины, а это основа любой страны. Ты, наверное, встречаешь девушек в алом халате?

– Зачем так пошло! Все проще и естественней. Я сначала фотографирую девушку, а потом сразу иду вместе с ней печатать снимок. Медленно проступающий на бумаге силуэт в тесной жаркой комнате при красном освещении действует неотразимо. Красный свет обволакивает, он везде, девушка купается в нем и сама тянет меня в постель, – гордо заявил Роман. – Так что, будем фотографироваться?

– В другой раз, Ромик.

– Красота – сиюминутное явление, и художник призван зафиксировать ее для вечности.

– Рома – Рафаэль! Или тебе по душе Тициан? Хотя он отдавал предпочтение более пышным формам.

– Каждое время имеет свой эталон женской красоты.

– Это противоречит вашему предыдущему заявлению о вечности, – вмешался в словесную дуэль Заколов. – Зачем фиксировать красоту, которая спустя полвека будет выглядеть неприглядно?

– Тихон – яркий представитель новой формации: логикус сапиенс, – пояснила Тамара.

Но ее слова еще больше озадачили фотографа. Он небрежно отмахнулся:

– Я в насекомых не разбираюсь.

Кушнир прыснула. Заколов извлек фотографию Касымова и твердо перевел разговор в нужное русло:

– Роман, нам нужно увеличить вот этот снимок. Негатив хранится у вас.

Рома повертел протянутую фотографию и обратился к девушке:

– Опять, Томка, в гиблое дело ввязываешься. Мало тебе досталось? Нет, чтобы про хлопкоробов писать или «Малую землю» с «Целиной» восхвалять. Все какой-то хлеб бедному художнику.

– За этим хлебом – большая очередь. А я не люблю в очередях стоять.

– Стоять – ерунда. Важно в заветную очередь попасть.

– Там локтями пихаются.

– Какая недотрога!

– Где негатив? – Тихон назойливо влез между девушкой и фотографом.

Роман безнадежно махнул рукой и кивнул:

– Знал, что не уговорю. Пойдем в лабораторию. Все уже готово.

Под громким названием «фотолаборатория» скрывался переоборудованный совмещенный санузел. Три человека с трудом втиснулись в темную комнатку, напичканную фотоприборами. Рома плотно прикрыл дверь, снял солнечные очки и включил красный фонарь.

– Вот твой кадр, – Роман щелкнул выключателем фотоувеличителя, и в прямоугольной рамке высветился «седой» Малик Касымов с белыми провалами глаз. – Хотите увеличить весь снимок?

– Достаточно вот это место, – Тихон ткнул в негативное изображение около плеча Касимова.

Роман стал вращать колесико, колба фотоувеличителя поползла вверх по штативу. Постепенно все пространство рамки заняло размытое очертание фотокарточки на стене в квартире Касимова. На ней оператор стоял рядом со странной картиной. Роман выверенным движением подкрутил объектив, и на сером холсте загадочного полотна прорезались белые геометрические знаки.

– Что это за дьявольские символы? – проворчал Роман.

– Я думала, может, ты знаком с таким направлением в искусстве? – вздохнула Тамара.

– Это не Рафаэль.

– Сама вижу.

– И даже не Кандинский с Малевичем.

– Напечатайте, пожалуйста, – попросил Тихон.

Роман положил в рамку фотобумагу, сдвинул на несколько секунд защитный фильтр с объектива и вернул его на место. Фотобумага переключалась из-под объектива в ванночку с раствором. Роман бережно притопил ее пинцетом. Три пары глаз дружно наблюдали, как на белой карточке проявляются темные полосы и пятна, постепенно сливающиеся в цель-

ное изображение. В нужный момент Роман выловил снимок пинцетом, дал стечь проявителю и опустил карточку в закрепитель. Когда процесс закончился, он включил верхний свет.

– Готово. Теперь я могу рассчитывать на благодарность? – Фотограф гордо нахохлился и вплотную прижался к девушке.

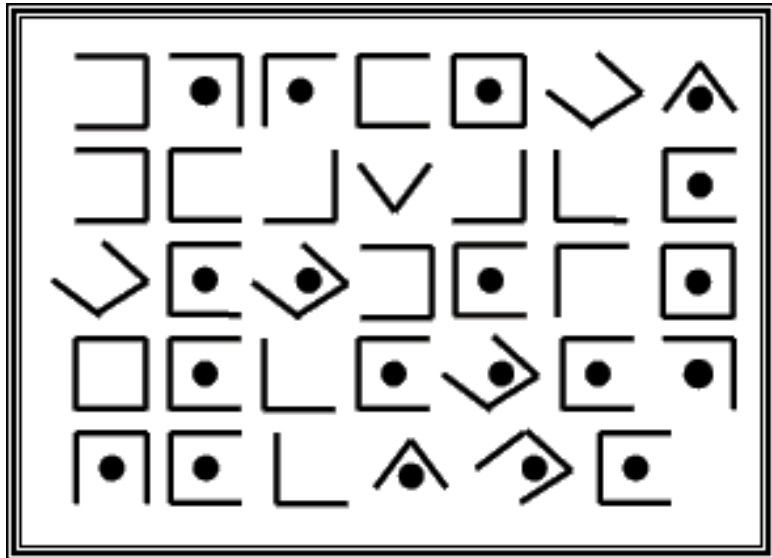
– Спасибо, Ромочка. Ты настоящий друг.

– И это все? – Роман напирал на девушку.

Тамара выскользнула из ванной, Рома последовал за ней.

Оставшись один, Тихон Заколов внимательно разглядывал влажный снимок. Изображение на картине, казавшееся странным узором, распалось на отдельные непонятные символы. Все они были хорошо различимы, и Тихон мог детально их рассмотреть.

В целом картина выглядела так:

Но что это дает? Уголки, квадратики, точки. Как их расшифровать? Да и шифр ли это? Мало ли художников, мечтающих о славе Малевича, изобразившего «Черный квадрат»? Возможно, очередной свихнувшийся неудачник решил стать родоначальником нового направления под девизом: «кубизм» на свалку, даешь «геометризм»!

Тихон постарался перевести картину на привычный язык чисел. 19 точек, 34 знака, 62 угла, 93 отрезка. Он быстро сложил, вычел и перемножил эти цифры в самых разных сочетаниях. Ни один результат не дал даже намека на разгадку.

Тупик.

Заколов сместил взгляд с таинственных символов на фи-

гуру кинооператора перед картиной. Стоит в пол-оборота, внимательный взгляд устремлен на изображение, рука сжимает толстую книжку. В музей с книжкой? Странно, если только это не каталог выставки. Тихон попытался рассмотреть обложку. Какой-то рисунок, часть слова. Слишком мелко и нечетко.

Он вышел из ванной и обратился к Роману, развалившемуся на диване в неизменных солнцезащитных очках:

– Как вы думаете, это может быть фотомонтаж?

– По копии разве определишь, – усмехнулся фотограф, пыхтя сигаретой. – Если бы я видел оригинал. Да и то вряд ли бы сказал однозначно. Касымов – профессионал высшего класса. Для него сформировать такую экспозицию – пара пустяков!

– А можно еще увеличить? Я хотел бы прочесть название книги.

– Зачем мучиться? Пусть Кушнир у Касимова спросит. Видимо, она понравилась старику, раз он так разговорился.

– К сожалению, это нереально, – уклончиво сообщил Заколов.

– Понятно. Старик расстроился после этой истории. Ну-ка, дай сюда! – Роман прищурился на снимок, медленно выпустил два дымных кольца из раскрытых губ и крикнул: – Томка, твой приятель требует от меня невозможного!

– А ты попробуй, Ромчик. Ты же мастер, – ласково попросила девушка, присев рядом и заботливо поправив фотогра-

фу прядь волос.

– Только ради тебя, – взрычал Роман, хищно глядя на бед-
ра девушки.

– Тогда вперед.

Фотограф вскочил, притушил окурок и позвал Тихона:

– Эй, ракеты-самолеты, пойдем с народной смекалкой по-
знакомлю.

В ванной Роман сдвинул фотоувеличитель на край столи-
ка, сменил объектив на более мощный и направил луч пря-
мо на пол.

– Сейчас посмотрим, что за книжки читает уважаемый
Малик Касымов?

Через несколько минут в руках у Заколова был новый
влажный отпечаток.

– Вот, разбирайся. Белиберда какая-то.

Тихон жадно всматривался в увеличенное изображение.
Касымов держал книжку за верхнюю часть. Ладонь почти
полностью прикрывала крупный заголовок из трех строчек.
На верхней строке виднелись две первые буквы «СЛ», на
средней и нижней последние – «ОГО» и «КА». Судя по раз-
мерам букв, на каждой строке помещалось только по одному
слову.

– Что там? – Тамара заинтересованно прильнула к Тихону.
Ее влажное дыхание коснулось щеки молодого человека.

– Пока не могу понять. – Тихон прикидывал варианты на-
звания, но ничего путного не получалось.

– А мысли есть?

– Например, СЛАВА КРАСНОГО МАЯКА. Ты знаешь какой-нибудь Красный Маяк?

– Нет. Здесь и близко морем не пахнет. Может, КРАСНОГО УГОЛКА? Красные уголки есть на любом предприятии.

– Возможны и другие варианты: СЛИТОК ЗОЛОТОГО ДИСКА.

– Или СЛИВ ТУПОГО ДУРАКА. – Тамара сменила смешливое выражение лица на серьезное и предложила: – Хватит гадать. Надо пойти в библиотеку и посмотреть варианты названий по картотеке.

– Неплохая идея. Но может, тебе что-нибудь подсказывает этот рисунок?

В нижней части обложки четко был виден рисунок: две перекрещенные решетки, словно для игры в крестики-нолики, одна решетка прямая, другая нарисована диагональными линиями.

– Нет. Могу только сказать, что художественные произведения так не иллюстрируют. Это больше похоже на обложку научного издания или книгу о головоломках.

– Нам и предстоит поломать голову.

– Думаешь, книга имеет отношение к тайне?

– Не книга, а фотография в целом. Вот заглянем в библиотеку, и многое прояснится.

– Ой, я совсем забыла. Сегодня выходной и библиотеки не работают.

Фотокарточка высохла. Заколов сложил ее с предыдущей, запечатлевшей загадочную картину, и хотел было убрать в карман, но рука на полпути остановилась, а на лице мелькнула вспышка бодрой улыбки. Он приставил фотографии друг к другу, взгляд целенаправленно переходил с одной на другую, дробя и складывая изображения.

– Кажется, я понял, в чем дело.

– Ты знаешь название книги?

– Пока нет. Но я уверен, книга в руке Касимова появилась неспроста. – Он развернул фотографии к девушке. – Смотри на обложку и картину.

– И там и там странные знаки.

– Не просто странные. Узор на картине состоит из элементов рисунка на обложке!

– Ты думаешь? А точки? На картине много жирных точек, а на обложке их нет.

– Логично. Точки наверняка имеют какой-то смысл.

– Дайте посмотреть, – вмешался Роман. Он повертел снимок и уверенно изрек: – Рисунок на книге не типографский. Его прочертили от руки. Заметна вдавленность, и линии неоднородные.

– Тогда мы точно на правильном пути, – оживился Тихон. – Кажется, я понял, в чем дело. Мне нужны бумага и карандаш.

Заколов вопросительно взглянул на хозяина квартиры. Роман нехотя встал.

– Ну вы даете. Так увлечены, словно клад ищите. Сейчас принесу.

Он направился в соседнюю комнату, но в дверях его остановил стук в квартиру.

– День визитов какой-то, – проворчал Роман, шаркая в прихожую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.